**МИНИСТЕРСТВО ДОШКОЛЬНОГО И ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**АБДУЖАББАРОВА Замира Рустамовна**

# Национально-культурологические особенности речевой экономии в описании лингвистической картины мира

**МОНОГРАФИЯ**

**Ташкент 2025**

**УДК: 42:494ю375**
**ББК 81.432.1**
**А139**
**ISBN 978-9910-8797-4-6**

**Абдужаббарова Замира Рустамовна**
**Национально-культурологические особенности речевой экономии в описании лингвистической картины мира: монография/З.Р. Абдужаббарова. – Тошкент:ТДПУ, 2025. –102 стр.**

Монография посвящена актуальной теме лингвистической экономии и её анализу через призму когнитивно-коммуникативного подхода. Являясь ключевым аспектом изучения языковых процессов, лингвистическая экономия представляет собой стремление к минимизации языковых ресурсов при сохранении коммуникативной эффективности. В работе рассматриваются как теоретические, так и практические аспекты этого явления в контексте английского и узбекского языков.

Данная работа основана на многолетних исследованиях в области когнитивной лингвистики и сравнительного анализа языков. Результаты исследования могут быть полезны как для теоретиков, так и для практиков в области лингвистики, а также для студентов, изучающих языкознание и межкультурную коммуникацию.

Ответственный редактор:
Кандидат филологических наук, профессор
Мухаррам Хаятовна Алимова

Рецензенты:
Доцент кафедры Теории и методики обучения, д.ф.н. НИУ «ТИИИМСХ» Н.А. Кадирова
Доцент кафедры Практического курса английского языка ТДПУ, PhD Х. Гайбуллаева
Доцент кафедры Теории и методики преподавание английского языка ТДПУ, PhD Д. Кошева

Рекомендовано к публикации Учёным советом ТДПУ (20 марта, 2025 год, Протокол № _3_).

**Ташкент 2025.**

**ВВЕДЕНИЕ**

**Глава I. Значение когнитивно-коммуникативного подхода в выражении языковой экономии**

1.1. Из истории изучения проблемы лингвистической экономии

1.2. Значение лингвокогнитивного подхода в анализе текста

1.3. Принципы когнитивно-коммуникативного подхода в процессе лингвистического сохранения

**Глава 2. Реализация лингвистической экономии на языковых уровнях**

2.1. Реализация лингвистической экономии на английском языке

2.2. Реализация лингвистической экономии в узбекском языке

2.3. Сходства и различия в реализации лингвистической экономии в английском и узбекском языках

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

**ЛИТЕРАТУРА**

# ВВЕДЕНИЕ

Проблема переработки больших объёмов информации в современном обществе сопровождается информационными перегрузками, что объективно требует обновления механизмов, обеспечивающих адекватную интерпретацию смыслового содержания и языкового оформления больших потоков информации. Успешная эволюция социума в период глобализации влечет за собой радикальные социальные, политические, экономические и технические перемены, которые находят отражение в современном лингвистическом континууме благодаря новым информационным технологиям, которые постоянно внедряются в науку о языке и оказывают существенное влияние на его изменения, как в письменном, так и в устном форматах. Многочисленные исследования в сфере лингвистики подтверждают тезис о том, что функционирование и развитие языка регулируется разнообразными процессами, происходящими в этом языке, однако уровни их распространения различаются: некоторые носят универсальный характер и имеют место во всех языках, другие - присущи отдельным языкам. Одним из универсальных принципов языкового функционирования является принцип экономии. В настоящее время интерес лингвистов к проблеме экономии языковых средств по-прежнему не ослабевает, однако до сих пор не существует однозначного понимания природы экономии в языке, поскольку в разных научных направлениях исследуются лишь отдельные аспекты этого сложного в лингвистическом отношении явления. Настоящее исследование ориентировано на изучение закона экономии языковых средств в различных типах англоязычного дискурсивного пространства и, тем самым включается в обсуждение актуальных проблем, связанных с развитием и функционированием современного английского языка, который вполне правомерно занимает позиции лидера межкультурного общения в современном мировом коммуникационном континууме.

Ускоренные темпы и неоднозначность процессов экономии языковых средств, а также интенсивное пополнение фонда средств реализации принципа экономии в английском языке представляются существенными факторами, которые объективно требуют изучения для создания целостной теории, учитывающей все многообразие сокращенных единиц и специфики их взаимодействия с другими языковыми явлениями, что предопределяет несомненную актуальность настоящего исследования. Актуальность научного проекта, посвященного осмыслению и систематизации средств и способов языковой экономии в образовательном, драматургическом, научном и масс-медийном типах современного англоязычного дискурса, обусловлена также появлением в настоящий период времени новых в технологическом отношении каналов коммуникации, что вполне логично сопровождается тенденцией к экономии языковых средств, поскольку универсальные категории времени и пространства современного лингвистического континуума требуют обновления формальных и содержательных параметров коммуникативной сферы.

В современных исследованиях подчеркивается роль обновленных коммуникационных каналов в структурировании и организационном наполнении текстового пространства и трансформационном преобразовании невербальных маркеров, что обусловлено существенными особенностями интернет-коммуникации, в границах которой сегодня наиболее очевидно проявляются системные свойства закона экономии языковых средств, отвечающие вызовам нашего времени. Именно в силу этих обстоятельств представляется необходимым обратиться к типам дискурсивного пространства, представленным в коммуникативных ситуациях, где объективно существует наиболее благодатная почва для формирования компетенций, обеспечивающих успешное овладение английским языком как для бытового, так и научного взаимодействия. Такой всеобъемлющей платформой, объединяющей самые разнообразные методологически и методически выверенные алгоритмы обучения иностранным языкам, по

общему признанию специалистов, может служить образовательный дискурс. В связи с этим в настоящей работе фокусируется особое внимание на материалах, отражающих принципиально новые тенденции коммуникативного взаимодействия партнеров по общению как в письменном, так и устном формате в условиях постоянно меняющегося англоязычного образовательного дискурса. Как показали наши наблюдения, при наличии значительного количества работ, посвященных исследованию различных аспектов образовательного дискурса, в настоящее время существует настоятельная необходимость в научном осмыслении данных об использовании закона экономии языковых средств в жанрах образовательного дискурса, представленного фрагментами живого общения между участниками, поэтому в задачи настоящего исследования входит выявление и систематизация вербальных и невербальных маркеров, отражающих основные тренды в экономии пространства и времени, которые затрачиваются на создание и трансляцию информации образовательного содержания в процессе обмена мнениями между партнерами по общению, сверстниками, студентами, активно реагирующими на инновации в сфере неофициальной коммуникации, где допускаются отклонения от нормативных употреблений языковых единиц различных уровней.

Стремление ускорить и упростить процесс понимания обсуждаемых вопросов и проблем, затрагивающих наиболее важные стороны существования в условиях современного информационного общества, служит объективной предпосылкой для исследования типов дискурсивного пространства, которые содержат образцы стилизованной разговорной коммуникации. Так, существенное влияние цифровизации социума на англоязычный драматургический дискурс, отражается, например, в изменении текстов традиционных пьес с целью их размещения на различных интернет-платформах для веб-конференций и чат-коммуникации, а также в создании пьес, предназначенных исключительно для чтения в целях систематизации трансформационных типов интерактивного пространства

интернета без возможности их представления на реальной сцене. Образцы стилизованной речевой коммуникации в этих случаях могут служить достоверной базой для обучения различным формам современного разговорного общения, которое традиционно характеризуется активным использованием средств экономии, что также подтверждает целесообразность использования этих материалов в исследованиях функционального потенциала английского языка на современном этапе его развития.

Проблеме экономии языковых средств посвящено множество глубоких и разноплановых исследований [Афанасьева, 2019; Вишнякова, 2015; Глаголев, 1967; Головач, 2011; Дюндик, 1971; Елькин, 2001; Зимина, 2007; Инфантова, 1975; Ковригина, 2013; Коробкина, 2013; Литвин, 2005; Мехеда, 2010; Понома-ренко, 2012; Потебня, 1874; Реунова, 2000; Таймур, 2020; Тютина, 2009; Щербакова, 2001; Ястреб, 2006; Ван Ян, 2017; Куртенэ, 1870, 2018; Есперсен, 1933, 2006; Martinet, 1955; Passy, 1890; Sweet, 1888 и др.].

В качестве теоретической основы для разработки исследовательской схемы, адекватно отражающей эволюционные тенденции в экономии языковых средств самых различных уровней, использовались работы отечественных и зарубежных ученых в области аббревиации [Алексеев, 2017; Борисов, 1972; Хуснуллина 2012; Cannon, 1989; Turner, 2004; Herring, 2004], где сокращенные лексические единицы рассматривались в границах лексикографических корпусов. Затем появились исследования в русле когнитивной лингвистики [Дюжикова, 2013, 2015; Алефиренко, Корина, 2011; Болдырев, 2013], в которых содержится анализ аналогичных фактов и явлений с позиций систематизации их смысловых составляющих. Наиболее полно и теоретически системно и последовательно общие и частные вопросы языковой экономии освещаются в трудах Арутюновой, 1988; Виноградова, 2001; Дюндика, 2014; Земской, 2012; Кубряковой, 1980; Зеликова, 2005; Инфантовой, 1975; Ларькиной, 2012; Реуновой, 2000; Ярмашевич 2003,2018 и др. Что касается зарубежных исследователей, следует отметить, что если во

французском и немецком языках период наиболее активного научного осмысления сокращений приходится на пятидесятые -шестидесятые годы прошлого столетия, то в англоязычной исследовательской практике фокус внимания к сокращениям переместился во второе десятилетие XXI века в связи с настоятельной необходимостью изучить эволюционные аспекты экономии языковых средств с учетом появления множества интернет-коммуникационных каналов и способов их текстового обновления самым разнообразным контентом. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в немецком, французском и русском языках проявления компрессии рассматривались преимущественно в рамках терминологических, профессионально ориентированных подсистем [Гельблу,1998; Элиашберг, 1959; Скупас, 1965; Щур, 1967; Скороходько, 1961; Слюсарева, 1967], в то время как на материале англоязычных текстов исследователи синтаксических конструкций, девиантных произносительных вариантов [Елькин, 2001; Овчинникова, 2006; Павлюковец, 2009; Кораблева, Давыдова, 2020], способствующих использованию сокращенных языковых единиц, сосредоточили внимание на традиционных путях и способах их внедрения в разговорные ситуации. Это можно объяснить тем, что лидирующие позиции английского языка в организации и реализации межкультурных коммуникативных связей существенно повлияли на обновление современной коммуникативной парадигмы в интернет-пространстве, с одной стороны, а с другой, объективно отразили результаты взаимодействия английского языка с другими лингвистическими континуумами в мировых масштабах. Сегодня научные интересы исследователей проблем языковой экономии совершенно справедливо перемещаются в пространство дискурсивных практик, позволяющих интерпретировать особенности англоязычных сокращений и компрессивов в условиях интернет-коммуникации, отражающей собственно лингвистическую природу этих языковых единиц в сочетании с их экстралингвистическими маркерами [Максимова, 2018].

**Цель исследовании -** состоит в комплексном выявлении, дистрибуции и систематизации средств языковой экономии в образовательном, научном и масс-медийном типах англоязычного дискурса в процессе их взаимодействия с дискурсивными маркерами лингвокультурной парадигмы современного англоязычного социума.

**В соответствии с целью исследования в работе формулируются следующие задачи:**

1] обосновать роль закона лингвистической экономии на современном этапе развития науки о языке с учетом теоретических аспектов явления языковой экономии в эволюционном контексте философских учений;

2] идентифицировать понятие дискурс в терминах современной лингвистической науки для обозначения его общих характеристик и разновидностей применительно к различным типам коммуникации;

3] провести сравнительный анализ дискурсивных маркеров языковых единиц, обеспечивающих реализацию закона экономии языковых средств в четырех типах современного англоязычного дискурса на лексическом и грамматическом уровнях.

В настоящем исследования при формулировке его объекта, предмета, целей и постановке задач представляется целесообразным принять в качестве исходной посылки следующую гипотезу: способы актуализации закона экономии языковых средств отличаются специфическим функционалом, свойственным определенному типу дискурса, и выполняют особенно важную роль в эпоху информационного взрыва, когда возрастает необходимость оперативного реагирования на мнения и действия партнеров по общению, что, в свою очередь, требует разработки отдельной исследовательской схемы для изучения путей организации конкретного коммуникативного пространства

**Объектом исследования** избирается диалогическая речь, где принцип языковой экономии находит наиболее яркое представление. Именно в ней данный принцип получает наиболее полную реализацию на фонетическом, лексическом, грамматическом, а также смежных уровнях, которые и подвергаются анализу.

**Предметом исследования** служат средства языковой экономии на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях лингвистической системы в четырех вышеназванных типах дискурса современного английского языка.

**Материалом исследования** служит выборка из произведений современных английских и американских писателей, состоящая из 7000 диалогических единств различной протяженности и композиционно-структурного оформления. Кроме того, в эту выборку вошли примеры, взятые нами из магнитофонных записей радиопередач BBC, видеозаписей британских и американских передач спутникового телевидения и нескольких видеофильмов, вышедших на экраны в последние годы.

**Актуальность** исследовании обусловлена рядом причин:

1) возрастающим интересом со стороны лингвистики к проблемам разговорной, и, в частности, диалогической речи;

2) у ученых нет единого мнения относительно того, какие именно причины и предпосылки вызывают к действию принцип экономии в языке и речи;

3) отсутствием в лингвистической литературе исследования, где вопрос экономии рассматривался бы в цельной системе;

3) недостаточной изученностью некоторых процессов и явлений разговорной речи, ведущих к уменьшению речевых усилий.

**Научная новизна** данной работы заключается:

1) в признании факта обширного влияния экономии речевых средств на всех уровнях системы языка;

2) в систематизированном, поуровневом анализе специфических конституентов диалогической речи, ведущих к сбережению произносительных усилий, времени, памяти;
3) в более углубленном и детальном рассмотрении ранее известных средств экономии, а также в прослеживании тенденций языкового развития в связи с влиянием принципа языковой экономии.

**Теоретическая значимость** данной исследовании заключается в признании фактора осознанного стремления человека к сбережению различного рода усилий, в том числе и речевых, возрастающего по мере взросления и овладения им наследуемой речевой культурой; в утверждении влияния принципа языковой экономии на все естественные языки; в прослеживании универсальности действия данного принципа на всех ярусах языковой системы.

**Практическая ценность** исследовании заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в курсах теоретической грамматики, лексикологии, практической и теоретической фонетики, психолингвистики, лингвистической интерпретации текста, а также на практических занятиях по устной и письменной речи английского языка, при написании курсовых и дипломных работ.

# Глава I. Значение когнитивно-коммуникативного подхода в выражении языковой экономии

## 1.1. Из истории изучения проблемы лингвистической экономии

Сегодня, когда информационные технологии стремительно развиваются, поток информации растет и ускоряется темп жизни, становится невозможным избегать экономии. Мы стремимся проявлять экономию во всем, пытаясь сделать больше работы в более сжатый срок. Это же самое мы можем наблюдать в языке, так как отличительной чертой любого языка является его способность чутко реагировать на малейшие изменения в общественной, культурной и повседневной жизни его носителей. Языковое развитие и функционирование регулируются разнообразными процессами, протекающими в языке, но при этом степень их распространения различная. Часть из них носит универсальный характер – они проявляются во всех или почти всех языках, другие же имеют национальный характер. Одним из универсальных процессов такого рода можно считать языковую экономию.

Принцип языковой экономии заключается в представлении о том, что деятельность человека имеет целенаправленный характер и требует при этом достижения заданной цели с минимальной затратой усилий. Тема языковой экономии, будь то сжатие, стяжение, совмещение, элиминирование, редукция, эллиптические предложения, свертывание и т.д., являлась предметом изучения в рамках разных дисциплин многими учеными. Нельзя не сказать, что отношение и оценка языковой экономии отличались у разных ученых и в разные отрезки времени. Некоторые рассматривали ее как один из основных законов развития языка, другие – в качестве одной из движущих сил языкового развития, третьи вовсе не отводили ей важной роли. Были и такие исследователи, которые отрицали важность данного явления для исторического развития языка [9, с. 200]. Бытует мнение, что научное исследование языковой экономии в лингвистике началось в 80-е годы XIX века в работах П. Пасси, Г. Суита, О. Есперсена, что является не совсем точным. Явление языковой экономии было известно еще в античности, хотя

языковеды тогда не прибегали к термину «экономия». Аристотель, например, писал, что при желании говорить сжато [т.е. экономично] нужно употреблять вместо понятий имена, например, «круг» вместо «плоская поверхность, все точки которой равно отстоят от центра». В связи с обсуждением проектов создания искусственных языков в XVII-XVIII веках широко распространилась идея о том, что языковая структура должна определяться «экономным распределением» между ее частями. И все же систематическая разработка проблемы языковой экономии началась не ранее XIX века. Это было время попыток упрощения естественных языков для их более легкого усвоения. Многие полагали, что воздействие такого рода форсирует естественный процесс упрощения, протекающий в ходе развития языка. Идея Г. Спенсера, например, заключается в том, что в процессе развития по «естественным законам эволюции» язык движется от простого к сложному, длинные слова становятся короче, «многословные предложения – предложениями однословными». Мы склонны рассматривать как спорную мысль Г. Спенсера об упрощении структуры слов и предложений в процессе развития языка, так как обогащение языка идет не только благодаря появлению простых, но производных и сложных слов. Нельзя также сказать, что упрощается синтаксис языка. Наоборот, усложняются структура и семантика синтаксических единиц, отражая в себе прогресс человеческого мышления, за счет проникновения в структуру более сложных явлений. При этом нельзя отрицать обусловленное законом экономии сокращение длины языковых единиц.

Из вышесказанного напрашивается вывод о том, что язык проходит путь к более простым и эффективным способам выражения одного и того же содержания, что мы и рассматриваем как экономию. Однако при этом общая его структура не упрощается, иначе из этого следовало бы снижение выразительности языка, отсюда его обеднение, и, как результат, страдала бы передача информации. Исследованием явления языковой экономии занимался русский ученый И. А. Бодуэн де Куртене. В одной из своих

лекций, рассуждая о причинах, вызывающих развитие языка и оказывающих влияние на его состав и строй, он писал: «Общие причины, общие факторы, вызывающие развитие языка и обуславливающие его строй и состав, очень справедливо называть силами. Таковы, между прочим: 1] привычка, т.е. бессознательная память; 2] стремление к удобству, выражающееся: а] в переходе звуков и созвучий, более трудных в более легкие, для сбережения мускулов и нервов, б] в стремлении к упрощению форм [действие аналогии более сильных на более слабые], в] в переходе от конкретного к абстрактному для облегчения отвлеченного движения мысли» [2, с. 58]. Б. де Куртене уделял данным вопросам значительное внимание в своих исследованиях. Позже он писал: «Языковая жизнь является непрерывной органической работой... А в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и к нерастрачиванию их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде» [Там же, с. 226]. Мы можем оспаривать идею о том, что переход от конкретного к абстрактному облегчает отвлеченное движение мысли, т.к. конкретное языковое выражение обладает большей силой в сравнении с размытым абстрактным выражением, а отсюда представляется экономичнее с точки зрения затраты сил. С другой стороны, де Куртене весьма верно отмечает роль явлений, протекающих в языке и содействующих его развитию. Младограмматики видели проблему несколько по-другому. Так, Г. Пауль в книге «Принципы истории языка» рассматривает проблему экономии в языке следующим образом. В главе «Дифференциация значений» указывается на то, что сама природа языкового развития обусловливает образование большого количества равнозначных слов, форм, сочетаний, типов. «Хотя появление такого избытка является неизбежным, однако он не может сохраняться в языке длительное время». Ввиду того, что излишества создаются его носителями, язык может избежать их возникновения, но может и противодействовать уже возникшим излишествам. «Языку чуждо какое бы то ни было излишество». Благодаря саморегулированию языка, в нем

закрепляются лишь единицы, обладающие семантическими отличиями от других. Схожие элементы исчезают с течением времени, или их значения дифференцируются и закрепляются в языке, расширяя его выразительные возможности. Оба эти процесса являются проявлением языковой экономии. Экономия осуществляется не за счет уменьшения языковых ресурсов, а наоборот, совместно с другими факторами обусловливает увеличение ресурсов языка за счет устранения излишеств. В этом суть экономии, по мнению младограмматиков.

Функционирование и развитие языка обусловлено многочисленными процессами, происходящими в нем. Но уровень распространения этих процессов разный. Одни процессы могут иметь универсальный характер, находя свое выражение во всех языках или почти во всех, другие носят специфический национальный характер. Одним из таких универсальных процессов можно считать тенденцию к экономии языковых средств.

Однако следует отметить, что оценка и отношение к данной тенденции в разное время и у разных лингвистов были неоднозначными. Некоторые лингвисты склонны считать экономию основным законом развития языка, другие признают ее одной из главных движущих сил развития языка, третьи отводят ей более скромное место, а четвертые оспаривают значение роли этой тенденции в истории и функционировании языка.

Чтобы правильно оценить роль и место данной тенденции в развитии и функционировании языка, необходимо выяснить, в чем заключается сущность этого принципа, его источник и средства его реализации в языке.

В лингвистических исследованиях указывается, что “начало изучения проблемы экономии средств речи было положено в 80-е годы прошлого столетия в трудах П. Пасси, Г. Суита, О. Есперсена” [Реунова, 1967]. Однако, по-нашему мнению, такое утверждение не совсем точно.

Суть лингвистической экономии в языке и речи была известна еще в классической древности, хотя античные лингвисты и не прибегали к термину «экономия». Так, Аристотель писал, что при желании говорить сжато

следует употреблять имена вместо понятий, например, «круг» вместо «плоская поверхность, все точки которой равно отстоят от центра» [Античные теории языка и стиля, 1936:180].

Ознакомление с лингвистической литературой показывает, что на явление экономии в языке и речи обращал внимание русский ученый проф. И.А. Бодуэн де Куртене. В 1870 г. говоря о причинах, которые вызывают развитие языка и обуславливают его строй и состав, Б. де Куртене в одной из лекций указывал: «Общие причины, общие факторы, вызывающие развитие языка и обуславливающие его строй и состав, очень справедливо называть силами. Таковы, между прочим:

1] привычка, т.е. бессознательная память;

2] стремление к удобству, выражающееся а] в переходе звуков и созвучий более трудных в более легкие для сбережения мускулов и нервов, б] в стремлении к упрощению форм [действие аналогии более сильных на более слабые], в] в переходе от конкретного к абстрактному, для облегчения отвлеченного движения мысли» [Б. де Куртене, 1963:58].

Придавая этому вопросу большое значение, Б. де Куртене неоднократно останавливался на нем в своих работах. Так, несколько позднее он писал: «Языковая жизнь является непрерывной органической работой.… А в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и к нерастрачиванию их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде».

Мысль о том, что языковая структура должна определяться «экономным распределением» между ее частями, получила достаточно широкое распространение в xvii-xviii веках в связи с обсуждением проектов создания искусственных языков. Однако систематическое изучение этой проблемы началось значительно позже, в xix столетии. В это время были предприняты попытки упростить естественные языки, сделать их более легкими для усвоения. При этом утверждалось, что такое воздействие на язык лишь ускоряет естественный процесс упрощения, происходящий в языке в ходе его

развития. Г. Спенсер утверждал, что в процессе развития по «естественным законам эволюции» язык движется от сложного к простому. Длинные слова становятся короткими, «многословные предложения – предложениями однословными» [Спенсер, 1986:171-172].

Нам думается, что в утверждении Г. Спенсера есть преувеличение. Правильнее было бы сказать, что язык движется от более сложных к более простым способам выражения одного и того же содержания, но не упрощает свою общую структуру, т.к. это неизбежно означало бы его обеднение, снижение выразительных возможностей.

Сокращение длины языковых единиц, обусловленное законом экономии, неоспоримо. Однако утверждение Г. Спенсера, что в ходе развития языка упрощается структура слов и предложений вообще [т.е. как общих моделей, типичных для данного языка], представляется спорным. Словарь языка обогащается за счет появления слов производных и сложных, а не только простых. Синтаксис языка также с течением времени усложняется, структура и семантика синтаксических единиц детализируется, отражая в себе прогресс человеческого мышления, проникновение во все более сложные явления.

Иначе ставили проблему младограмматики. Г. Пауль в книге «Принципы истории языка» расчленяет проблему. В главе «Дифференциация значений» он пишет, что в самой природе языкового развития заложено образование множества равнозначных слов, форм, типов, сочетаний. «Хотя появление такого избытка является неизбежным, однако, он не может сохраняться в языке длительное время». Язык не может избежать возникновения излишеств, так как они создаются разными носителями языка независимо друг от друга, но он может оказывать противодействие уже появившимся излишествам. «Языку чуждо какое бы то ни было излишество». В языке сохраняются только те единицы, которые имеют семантические отличия от других единиц. Равнозначные элементы или со временем исчезают, за исключением одного, или дифференцируют свои значения и сохраняются в языке, обогащая его выразительные возможности [Пауль,

1960: 301-303]. Добавим, что оба эти процесса – проявления закона экономии. Экономия не означает сужение ресурсов языка. В комплексе с другими факторами – потребностями выражения – она обеспечивает расширение ресурсов языка более экономным способом, устраняя излишества.

Говоря о причинах устранения языковых излишеств, Г. Пауль отмечает: «Одна уже бесполезная перегрузка памяти служит достаточным основанием для устранения этих излишеств» [Пауль, 1960: 302].

В главе «Экономия языковых средств» Г. Пауль высказывает мысль, что «для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости», в соответствии с ней «в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания». Таким образом, Г. Пауль говорит о лингвистической экономии в ее количественном понимании и нигде не показывает своего отхода от этой позиции. Все приводимые им примеры иллюстрируют тенденцию к бережливости на длине речевой цепи. «Количество используемых средств зависит от ситуации речевого контекста или от большего или меньшего сходства в духовном складе говорящих. При определенных условиях с помощью одного слова можно достаточно отчетливо передать мысль, для выражения которой при других условиях потребовалось бы длинное предложение».

С именами П. Пасси, В. Уитнея, Г. Суита, О. Есперсена следует, по нашему мнению, связывать начало систематического изучения лингвистической экономии как важнейшего явления человеческого общения.

П. Пасси, стремясь научно объяснить некоторые фонетические изменения, сосредоточил внимание не только на том, как эти изменения происходят, но и на том, почему они имеют место, каковы причины, которые их вызывают. В результате проведенного исследования им было установлено, что в языке существует «поиск наименьшего усилия», поэтому в некоторых случаях фонетические изменения можно объяснить именно

экономией произносительных усилий. Благодаря ей, а также благодаря другим языковым явлениям, таким как высота тона, ударение и т. д., в фонологической системе французского языка происходят изменения не только гласных, но и согласных. П. Пасси обратил внимание на следующие факты:

1] язык постоянно стремится освободиться от лишнего;

2] язык постоянно стремится выделить необходимое.

Эти два принципа П. Пасси, применяемые к языковой диахронии, в равной степени могут быть выделены и при анализе синхронного состояния языка и речи. Первую тенденцию П. Пасси называет «принципом экономии» [он отказался от термина «закон наименьшего усилия», предложенного Г. Ципфом], а вторую «принципом эмфазы». Эти два принципа последовательно противопоставляются им друг другу.

По мнению П. Пасси, принцип экономии хотя и не является основной дви-жущей силой развития языка, очень активен. Он пишет: «Слабая акцентуализация менее важного слога, смешение звуков, исчезновение лишних или слабо различительных элементов, ассимиляция двух последовательных звуков, сокращение долгих слов все эти изменения – результат экономии» [Passy, 1890-1891: 227].

П. Пасси хорошо понял и хорошо выразил постоянное противоречие между тенденцией соседствующих фонем речевого потока к ассимиляции и консервативным влиянием системы: «Два последовательных звука всегда стремятся ассимилироваться…. Этой тенденции противодействует необходимость сохранения значащих различий». Однако П. Пасси полагает, что изменения, происходящие в речи говорящего, носят неосознанный характер. Он говорит, что «речь идет не о сознательном сохранении важных элементов и сознательном опускании излишних. Если я пренебрегаю важным элементом, меня не понимают, я стараюсь поправиться и, возможно, преувеличиваю; если же я пренебрегаю лишним элементом, меня понимают хорошо, и я делаю это снова. Вот и все».

Мы считаем, что П. Пасси своим высказыванием противоречит сам себе. Отсюда у нас возникают несколько вопросов. Во-первых, о какой неосознанности может идти речь, когда человек понимает, т.е. осознает, что он не понят и старается исправиться и донести свою мысль до адресата? Во-вторых, каким образом человек определяет, что в его высказывании является важным или же лишним, и как он делает свой выбор в пользу устранения избыточных элементов? И, в-третьих, почему использовав единожды такую конструкцию, в которой элиминировано все лишнее, и заметив, что понят хорошо, человек в будущем начинает использовать эту конструкцию снова и снова? Нам кажется, что ответом на эти вопросы является именно сознательная природа речевой деятельности. Если бы это было не так, то наш язык был бы перегружен излишествами, которые не только затрудняли бы коммуникацию как деятельность и взаимопонимание между собеседниками, но и практически сводили бы их на нет. В подтверждение этой мысли приведем высказывание В.Д. Девкина: «Экономия преднамеренна, к ней стремятся, ее достижение желательно… Человек не может сознательно разбазаривать свою драгоценную энергию и обращаться неэкономно с языковыми ресурсами» [Девкин, 1979:61].

Принцип экономии и принцип эмфазы продиктованы необходимостью быть понятым. «В языке, говорит П. Пасси, тщательно сохраняется все то, что необходимо для того, чтобы быть понятым и хорошо понятым. На все остальное не обращается внимания, оно уходит из языка и предается забвению». Не трудно заметить, что в этом высказывании П. Пасси все языковые изменения подчинены функции языка как средства общения. Все совершается для того, чтобы средство общения было более совершенным.

В качестве главной причины, лежащей в основе всех бесчисленных и, очевидно, однородных явлений, ведущих к изменению формы слова, В. Уитней называл «предрасположенность, или, по крайней мере, готовность, отсекать такие части слов, которые могут быть утрачены без ущерба для смысла и, таким образом, вырабатывать такие формы, которые будут более

приспособлены для нужд пользователей, которые в большей степени будут соответствовать их привычкам и предпочтениям» [Whitney,1897:50].

Хотя и признавая наличие некоторых противоположно направленных тенденций, которые в определенный момент могут даже превалировать, тем не менее, В.Уитней выдвигает предположение о том, что науке о языке не удалось выявить никакого другого фундаментального закона, кроме закона экономии, который мог бы встать с ним в один ряд. Этот закон прокладывает свой путь через язык, проявляя свой универсальный характер в продвижении всех языковых ресурсов в одном заданном направлении. «Этот закон является еще одной манифистацией той же самой тенденции, которая заставляет людей использовать сокращение на письме, избирать кратчайший путь, вместо того, чтобы ходить вокруг да около и прочие вещи, в которых нет вреда». По мнению В. Уитнея, тенденция к экономии является единственной причиной сокращения слов, причем именно в сокращении слов эта тенденция раскрывается наиболее ярко и полно. «Очевидно, не нужно больше ничего для объяснения постепенной редукции формы, которая происходит в единицах, составляющих каждый из языков» [Whitney,1897:50].

В. Уитней утверждает, что тенденция к экономии, будучи по сути деструктивной, является в то же самое время и созидательной. Ее действие начинается с производства тех самых форм, которые она впоследствии должна будет «исказить и износить» [to mutilate and to wear out]. Если бы не эта тенденция, то сложные слова и усложненные фразы так и оставались бы неизменными. Ее влияние всегда сказывается в пользу подчинения субстанции того, что находится в подчинении значению, в пользу объединения и унификации того, что было бы в ином случае слишком «общей, пространной структурой» [loose structure], короче говоря, в пользу образования простых лингвистических знаков, которыми легко управлять. Но хотя эта тенденция везде одна и та же, направления, в которых она проявляет себя, очень разнообразны. Каждое из этих направлений требует для своего

объяснения точного понимания тех особенностей языка, в которых оно имеет место.

Интересную точку зрения В. Уитней высказывает в отношении процесса освоения и модификации звуков речи. Он полагает, что со временем, в ходе приобретения все более высокого уровня владения «искусством выражения в словах» [the art of utterance], человеческие органы получают возможность создавать и использовать точнее различимые и более утонченные оттенки, чем вначале. Это связано с тем, что более высокий уровень достигается продвинутыми и взрослыми говорящими на данном языке, а форма, которую они предают своей унаследованной речи становится нормой, к которой должны стремиться вновь осваивающие этот язык, овладевая ею по мере своих способностей.

Что касается новых звуков, то они, по мнению В. Уитнея, ничуть не легче старых. Наоборот, они даже труднее, так как они не так легко усваиваются и воспроизводятся детьми. Но они гораздо легче для опытных говорящих в быстром потоке речи, когда органы речи совершают быстрые постоянные переходы от артикуляций гласных к артикуляциям согласных, переходы между более открытыми и более закрытыми позициями. В.Уитней заявляет, что уменьшение амплитуды колебаний этих переходов, при помощи уменьшения открытости открытых звуков и закрытости закрытых, и является экономией, которую артикулирующие органы неосознанно сами находят при помощи опыта и усваивают на практике.

Мы не можем не согласиться с В.Уитнеем в том плане, что тенденция к экономии, т.е. стремление облегчить произношение, вытекает из внутренних свойств человека, из самой его природы. Также мы разделяем его точку зрения по поводу неосознанного освоения более экономного произношения, которое, будучи в начале недоступным ребенку, по мере его взросления и овладения наследуемой речевой культурой, становится для него «родным». В процессе своего взросления человек все больше и больше начинает осознавать себя как личность, начинает осознавать свои поступки и давать

им соответствующую оценку и интерпретацию. Исходя из этого, нам кажется, что человек также постепенно начинает давать себе отчет о том, что и как он говорит, насколько форма передаваемой информации соответствует ее содержанию и насколько успешно эта информация достигает своего получателя. Ведь, по выражению Ч.Эйнштейна, «лучший тест качества коммуникации основывается на реакции на нее; не на том, как послание выражено словами, а на том, как оно получено» [Einstein, 1985: 7].

Таким образом, будучи первоначально неосознанным, стремление экономить со временем приобретает все более осознанный и прогрессирующий характер, совершенствуясь в процессе развития человека. Человеку свойственно стремиться к совершенству, каждый раз стараясь подняться на одну ступеньку выше. А как гласит народная мудрость, краткость – сестра таланта.

Конечно, обычный человек в повседневной жизни не часто, скорее даже редко, задумывается о том, что он экономит и как это происходит. Пожалуй, ответы на эти вопросы должна давать наука, и в данной работе мы ставим перед собой такую цель. Но если человеку предоставляется выбор сказать кратко или более полно, он в большинстве случаев, без сомнения, предпочтет краткую форму, вполне понимая, что это проще, легче и удобнее. Но здесь следует сделать оговорку. Многие считают, что простота и краткость суть одно и то же, или же они всегда должны сопровождать друг друга как сиамские близнецы. На наш взгляд, это является предрассудком. Правда в том, что существует множество различных типов краткости. Некоторые из них делают речь и понимание ее более легкими, другие же, наоборот, затрудняют их.

Итак, мы считаем, что успешное овладение языком является ничем иным, как экономным использованием его ресурсов, намеренным применением необходимых, но не более того, языковых единиц в соответствии с каждой конкретной ситуацией и с учетом специфики получателя передаваемой информации.

Одновременно с П. Пасси и В. Уитнеем и независимо от них проблемой лингвистической экономии занимался Г. Суит. Его выводы аналогичны выводам П. Пасси и В. Уитнея. Исследуя причины фонетических изменений, Г. Суит проследил эволюцию многих звуков, причем не только в английском языке. Им было замечено, например, что конечные согласные могут ослабляться и даже опускаться и это не отражается на понимании речи слушающим. Это объясняется, как полагает Г. Суит, логической необходимостью. Логическая тенденция может пересекаться с органическим и акустическим законами [Sweet, 1888:49; 1929].

Отметим, что Г. Суит в отличие от П. Пасси пользуется только термином «экономия»; П. Пасси вначале пользуется термином «поиски легких артикуляций» и только позднее вводит тот же термин, что и Г. Суит.

Язык по своему характеру представляет собой компактное и экономичное устройство, характеризующееся наличием «экономических тенденций», которые в известном отношении управляют нашей речью, и то, что является балластом нашего языка, подлежит устранению. Поэтому примечательным фактом языка и весьма существенным фактором его дальнейшего развития оказывается экономия речи.

В связи с этим нам представляется интересным отметить точку зрения датского лингвиста О. Есперсена, которым была разработана теория экономии речи, оказавшая большое влияние на его современников и последователей.

Согласно этой теории, речь считается экономной:

1] когда одна и та же, например, глагольная форма выражает разные временные отношения. В качестве примера О. Есперсен рассматривает глаголы “cut”, “set”, “put”, у которых одна и та же форма служит для выражения как настоящего, так и прошедшего времени [Есперсен,1958:309];

2] когда язык стремится к сокращению форм, особенно в случае употребления формы единственного числа глагола вместо формы множественного, что наиболее ярко выражается в сочетании “there is“ с

последующим существительным, стоящим во множественном числе. Например: There is but we two; there is three houses;

3] когда допустима «суппрессия», т.е. то, чего говорящий не говорит, хотя и мог бы сказать. По мнению О. Есперсена, только нудные люди стремятся выразить все, но даже и они не могут этого сделать;

4] когда при произнесении определенных звуков экономятся мускульные усилия. Рассматривая вопрос о фонетических изменениях в английском языке, О. Есперсен приходит к выводу, что эти изменения являются результатом проявления «тенденции к экономии усилий в речи», в результате чего имеют место случаи выпадения гласных и согласных [Jespersen, 1925:265].

«Экономию речи» О. Есперсен связывает с так называемой «теорией прогресса». «По-моему собственному мнению, пишет он, любое упрощение, любая ликвидация прежних излишних различий являются прогрессивными» [Есперсен, 1958:239]. Развитие языка от флексии к анализу понимается им как процесс восходящий, прогрессивный. В английском языке, по его мнению, этот процесс получил наибольшее развитие. Ни один из языков цивилизованного мира не достиг такого совершенства, как английский. Как считает О. Есперсен, экономные языки достигают большей выразительности при наименьшей затрате усилий.

Однако следует отметить, что О. Есперсен не склонен расценивать тенденцию к экономии в качестве единственной причины развития и функционирования языка. Он совершенно прав, когда утверждает, что тенденция к облегчению произношения может проявляться только в некоторых случаях, и при том не во всех, поскольку имеются другие тенденции, которые эту тенденцию могут нейтрализовать [Jespersen, 1925:262]. Тем не менее, эта тенденция оказывает на язык очень большое влияние и ее значение трудно переоценить.

Свой взгляд на проблему экономии в языке, в частности на фонетическом уровне, высказывал Г. Курциус. По его мнению, звуки языка

не увеличиваются, а как бы изнашиваются. Этот процесс Г. Курциус называл «выветриванием». Более сильные звуки, т. е. трудно произносимые, постоянно переходят в более слабые, или более легко произносимые.

Г. Курциус установил, что звуки и слоги, выражающие определенные значения, оказывают более сильное сопротивление выветриванию по сравнению со звуками и слогами, не выражающими никакого значения. Если на начальных этапах развития языка необходим был полный звуковой комплекс, то после того, как представление укрепилось, оказался достаточным менее полный звуковой комплекс, представляющий сокращение первого. Действительно, с течением времени количество звуков, несущих информацию, уменьшается. Оно становится меньше общего количества звуков, содержащихся в слове. Г. Курциус фактически вскрыл основную причину разрушения конца слова, наблюдаемого в различных языках. Подобные звуковые изменения, по его мнению, исходят из стремления к удобству, которое может быть достигнуто путем замены неудобной артикуляции удобной [Curtius, 1862].

Достаточно внимания к вопросу экономии в языке и речи уделялось и в трудах отечественных лингвистов. Ученик и последователь Б. де Куртене В.А. Богородицкий неоднократно указывал на экономические тенденции в языке, на элементы подразумевания, опрощения в сочетании слов, удобосочетаемость звуков, проявление «экономии сил в жизни простого нераспространенного предложения…, когда тот или иной член предложения опускается, если он сам собою ясен, по условиям разговора» [Богородицкий, 1935:217-218].

Мысли, высказанные В.А. Богородицким, в значительной мере созвучны идеям А.М. Пешковского, которые он обобщил в своей работе «Русский синтаксис в научном освещении». Основной упор А.М. Пешковский делает на экономию, имеющую место в диалогической речи. Суть его теории заключается в следующем: в процессе коммуникации собеседники почти никогда не говорят друг с другом развернутыми фразами. Опираясь на

ситуацию, они сплошь и рядом опускают не только отдельные слова, но и целые предложения, однако прекрасно понимают друг друга. На этом основании А.М. Пешковский писал, что речевая деятельность людей регулируется неким законом, помогающим экономить речевые усилия говорящих. В связи с этим он писал: «Опущение того, что дано в мысли обстановкой речи или общностью предыдущего опыта говорящих, составляет норму для языка и объясняется законом всей нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил» [Пешковский,1956:139].

Существуют и определенные биологические законы восприятия окружающего мира. Наиболее ярким проявлением этих законов является типизация. Человек никогда бы не смог отразить окружающий мир, если бы его мозг отражал этот мир хаотически. «Человеческий мозг определенным образом типизирует действительность, учитывая объективно существующие общие черты различных предметов и явлений. Довольно ярко эта тенденция проявляется в языке» [Серебренников, 1983: 49].

Релевантным в данном вопросе считаем сказать о том, что возможности этой типизации ограничены. Об этом свидетельствует открытие американского психолога Дж. Миллера, который установил, что число 7+2 является пределом способности человека перерабатывать информацию [Miller, 1974:337-364]. Это же число характеризует оперативную память человека. Об этом же говорит в своей работе и В. Ингве: «При устном общении приходится держать в голове высказанную часть сообщения, имея ограничение на объем непосредственной памяти, равное приблизительно семи названиям» [Ингве,1965:132]. Соотношение семи чудес света, семи цветов радуги и т.п. с объемом оперативной памяти Дж. Миллер считает только совпадением. Возражая ему, Б.А. Фролов полагает, что это не случайное совпадение, так как «в основе своей нервная система у нас та же, что и у всех прежних поколений homo sapiens до позднего палеолита включительно» [Фролов,1986:236]. Он утверждает, что число 7

выкристаллизовалось в процессе эволюции как некий максимум для непосредственного запоминания сигналов, символов, слов.

Наше рассмотрение было бы неполным без упоминания взглядов на проблему экономии речевых средств некоторых американских лингвистов.

Л. Блумфилд при рассмотрении фонологической системы английского языка пришел к выводу, что наиболее «распространенным типом изменений является ослабление согласных между гласными или другими открытыми звуками». Это изменение, по мнению Л. Блумфилда, очень близко к ассимиляции и является результатом действия экономии в артикуляции звуков речи. Касаясь синтаксиса английского языка, Л. Блумфилд указывает, что использование слов-субститутов в речи делает ее весьма экономной и вместе с тем живой и гибкой: субституты легче произносятся, легче узнаются; представляя собой краткие формы, они являются нередко безударными и приспособлены для быстрого легкого произнесения [Блумфилд, 1968:408, 272].

Однако Л. Блумфилд в своей книге «Язык» не рассматривает проблему экономии в общем виде. Он вообще не рассматривает причин языковых изменений, так как считает, что ни установить, ни объяснить эти причины невозможно [Блумфилд, 1968:420]. С этим мы согласиться не можем. Положение же Л. Блумфилда о том, что изменения в языке направлены в сторону укорочения слов и упорядочения их построения, бесспорно, обосновано и Л. Блумфилдом и многими другими лингвистами.

Таким образом, Л. Блумфилд, видя и фиксируя происходящие в языке изменения, затрудняется дать обоснование тех причин, которые лежат в их основе, ссылаясь на невозможность такого рода исследования. Однако нам кажется такое утверждение по меньшей мере спорным. Мы считаем, что установление тех причин, которые влекут за собой изменения в языке не только возможно, но и необходимо. Конечно, в каждом конкретном случае нужно производить анализ, исходя из предположения, что в данном случае мы имеем дело с результирующей нескольких причин, и, следовательно,

подходить к данному явлению с разных точек зрения. В конце концов, некоторые причины окажутся незадействованными, но все-таки останутся те, которые реально принимают участие в создании той или иной языковой единицы. Причем одна из них может быть основной, первостепенной, а остальные второстепенной. Л. Блумфилд правильно отметил факты реализации тенденции к экономии как причины определенных языковых изменений, но не решился на их интерпретацию и не вскрыл того, что все-таки существует эта самая тенденция к экономии как универсальная сила, лежащая в основе многочисленных преобразований элементов языковой системы.

Особо следует остановиться на точке зрения Д. Керма. Широко популяризируя герундий [и инфинитив] в английском языке, Д. Керм указывает на его простоту и на то, что герундий, «имея два времени, может выражать все временные различия, выражаемые гораздо более сложной формой личного глагола, и что хотя в нем нет специальных форм для выражения наклонения, он может довольно точно выражать некоторые отношения, выраженные сослагательным наклонением» [Curme,1931-1935:485]. Налицо один из частных случаев реализации принципа языковой экономии, а именно синкретизма как явления, при котором происходит слияние, совпадение нескольких, в данном случае разноплановых, значений в одной грамматической форме, что, несомненно, ведет к сокращению выразительных средств путем увеличения содержательной стороны.

Отличную от других точку зрения на проблемы экономии речевых средств высказывает Г. Фрей. Он первым из лингвистов высказал мысль о том, что в практике речевой деятельности существует два вида экономии: экономия на оси речи и экономия на оси памяти. Первый тип экономии – экономия на оси речи – Г. Фрей называет логической или разумной; она вызывается логической необходимостью говорить кратко и ясно. Отсюда стремление говорящего сократить до предела не только длину составляющих высказывания, но и число составляющих [Frei, 1929: 108].

В своей книге «Грамматика ошибок» Г. Фрей изучает языковые средства, благодаря которым удовлетворяются постоянно действующие необходимости, имеющие панхронический характер и лежащие в основе функционирования языка в качестве импульсов различных языковых изменений. К числу этих необходимостей относятся: 1] необходимость экономии; 2] необходимость уподобления [аналогии]; 3] необходимость краткости; 4] необходимость неизменяемости; 5] необходимость выразительности.

Необходимость экономии требует, чтобы на произношение и понимание слова затрачивался минимум времени. Отсюда различные сокращения, эллипсисы, усечения и т.п., которыми так богат разговорный язык. А необходимость краткости проявляется в таких явлениях, как замена цепочки слов более коротким словом, сокращение относительных придаточных предложений причастными оборотами и т.п. Эти необходимости, мало меняющиеся от языка к языку и от эпохи к эпохе, Г.Фрей называет «константами языка»

Г.К. Ципф предпринял исследование закономерностей, существующих между длиной слов и частотностью их появления в речи. Он установил некоторые довольно любопытные закономерности. Так, например, Г.К. Ципф пришел к выводу, что длина слова уменьшается по мере увеличения частотности его употребления. То, что какоето слово является коротким, еще не есть причина его большей или меньшей частотности, а так раз наоборот, частотность является причиной его относительно короткой длины. Иначе говоря, существует постоянная предсказуемая связь между длиной и частотностью употребления слов. Данная тенденция, по мнению Г.К. Ципфа, тесно связана с «законом экономии усилий», который и лежит в ее основе.

Г.К. Ципф предпринял попытки подобным же образом исследовать проблемы в области фонем, в частности, связи между частотностью употребления фонем и усилиями, затрачиваемыми на продуцирование высказывания, в области ударения и на уровне предложения. В этих вопросах

им также было установлено, что речевое поведение регулируется «принципом наименьшего усилия». Кроме того, выяснилось, что наиболее часто встречающиеся слова не имеют на себе ударения. [Zipf, 1935: 27,77, 85,111].

Однако А. Мартине подверг критике некоторые положения теории, выдвинутой Г.К. Ципфом. Он считал, что в своем стремлении обнаружить причину фонетических изменений Г.К. Ципф слишком поторопился объявить, что относительная редкость сложных фонем и относительная частота простых во всех случаях является результатом процесса, аналогичного колебанию чашек весов. Согласно Г.К. Ципфу, фонетические изменения следует объяснять тенденцией к уменьшению сложности до той степени, которая соответствует ее возросшей частотности, или к увеличению этой сложности до уровня, подсказываемого относительной редкостью фонемы. Но сам А. Мартине не исключает того, что говорящие, делая выбор между элементами, находящимися на пути к грамматикализации, т.е. между элементами, фонемы которых приобретут в скором будущем большую частоту, могут бессознательно отдавать предпочтение элементам, содержащим наиболее простые артикуляции и наименее сложные фонемы. С другой стороны, А. Мартине предполагает, что лексическая смертность может до известной степени определяться бессознательным предпочтением одних фонем другим. По его мнению, «если исходить только из регулярных «фонетических законов», которым фонема обязана своим происхождением, и тех звуков, из которых она развивается в соответствии с этими законами, то во многих случаях частотность фонемы объяснить довольно трудно» [Мартине, 1960:176].

Необходимо заметить, что не все лингвисты придавали особое значение фактору экономии усилий. Были лингвисты, которые относились к роли этого фактора довольно скептически. Говоря о законе наименьшего усилия, Ф. де Соссюр отмечал, что он все же заслуживает рассмотрения и до

некоторой степени может разъяснить причину феномена или, по крайней мере, наметить пути для ее описания.

Закон наименьшего усилия, по-видимому, разъясняет некоторое число случаев, как, например, переход смычной в спирант, отпадение массы конечных слогов во многих языках, явления ассимиляции, монофтонгизацию дифтонгов, представляющую лишь частный случай ассимиляции и т.п. В то же время Ф. де Соссюр указывал на случаи, где происходит как раз обратное [Соссюр,1933:140-141].

Как уже указывалось выше, почти никто из лингвистов, считавших принцип экономии существенным фактором и отводивших ему большую роль в различных изменениях языка, вместе с тем не указывал на то, что эта тенденция является единственной. Напротив, ее действие может пересекаться с действиями многих других тенденций.

По утверждению А. Зиберера, в языке действует множество сил, из которых одна по своему действию оказывается противоположной другой. Это множество перекрещивающихся и нередко противоборствующих сил ведет к тому, что точное выяснение причин и следствий наблюдается лишь в немногих случаях [Sieberer,1958:18].

В. Таули, признавая в развитии языков наличие общих тенденций, тем не менее, не считает их непреложными законами. «Законы, управляющие структурным изменением языков, являются неполными [lacking]. Мы можем говорить только о тенденциях с ограниченными возможностями их реализации, зависящими от конкретных условий» [Tauli, 1966:284].

М. Граммон различает фонетические законы и фонетические формулы. Законы представляют общие тенденции, действующие в любом языке, поскольку они свойственны самой природе человеческого языка, например, диссимиляция, ассимиляция, метатеза и другие. Формулы представляют собой применение общих тенденций в определенном языке или в каком-то определенном случае [Grammont, 1950].

В этом отношении более близкой нам представляется точка зрения М. Граммона, так как ему удалось выявить общечеловеческую сущность процессов, протекающих в языке в самом широком смысле этого слова. И хотя он ограничился лишь фонетическим уровнем и воздержался от более широкого истолкования, можно предположить, однако, что М. Граммон не говорил о более широкой сфере действия законов, так как он был фонетистом и ограничивал свои исследования только этой сферой языка.

Отмечая большую роль закона наименьших усилий в развитии языков, М. Граммон вместе с тем заявляет, что если бы этот закон был единственным законом, определяющим фонетическую эволюцию языков, то очень скоро все слова стали бы односложными или содержали бы только одну фонему. Но ему противостоит закон максимального усилия или, точнее, тенденция к созданию ясности, действие, создающее различие и средства усиления.

Сходные точки зрения по этому поводу высказывали А. Сайс и Г. фон Габеленц. Так, А. Сайс, наряду с фактором лени [так он называл стремление к облегчению произносительных затрат], указывал также на тенденцию к эмфазе. Под эмфазой он понимал стремление к ясности и отчетливости произношения [Sayce,1875:24].

Г. фон Габеленц отмечал в языке действие двух противоположно направленных тенденций. Одна из них выражается в стремлении к удобству. Однако упрощение может привести к обеднению языка. Стремление сделать язык понятным требует компенсации того, что в языке оказалось нарушенным. И тут в языке проявляется действие второй тенденции, направленной на восполнение утраченных элементов и на создание наиболее благоприятных условий для функционирования языка [Gabelenz, 1901:183].

Наиболее полное и глубокое освещение вопрос экономии в языке и речи получил в работах А. Мартине, З. Хэрриса, а также в работах отечественных лингвистов В.Г. Адмони, Ю.С. Степанова, В.Н. Глаголева, В.П. Кобкова, Б.П. Дюндика, Б.А. Серебренникова и многих других.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время изучение экономии не ограничивается только фонологией, как было раньше, но распространяется на морфологию и, главным образом, на синтаксис – область языка, исследование которой началось по-настоящему только в xx веке. Таким образом, на сегодняшний день научная мысль лингвистов охватывает все уровни языка как взаимосвязанные составляющие единой системы.

По мнению А. Мартине, принцип лингвистической экономии является определяющим в изменении языковой системы. К области лингвистической экономии А. Мартине относит многие языковые явления. В связи с этим он пишет: «Термин «экономия» включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия — это синтез действующих сил» [Мартине, 1960:130].

Как полагает А. Мартине, языковая эволюция «определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою деятельность, умственную и физическую», т. е. экономией.

Мы считаем, что А. Мартине абсолютно прав, утверждая, что поведение человека подчинено закону наименьшего усилия, в соответствии с которым человек растрачивает свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели. Добавим лишь, что подобное поведение проистекает из физико-биологической организации человека, так сказать, из самой его природы, в которой заложено стремление к адекватности и адаптации ко вновь и вновь возникающим и усложняющимся факторам различного происхождения. Причем человек не только приспосабливается к ним сам, но и старается их изменить, упрощая и делая их более легкими и удобными для своего усвоения и дальнейшего пользования.

А. Мартине говорит, что «необходимо помнить, что в любых обстоятельствах трудна именно точность» [Мартине,1960:71]. Далее он приводит цитату О. Есперсена: «Нужно меньшее усилие для того, чтобы

наколоть дров, чем для того, чтобы удалить катаракту» [Jespersen, 1949:263]. Наша точка зрения отличается от высказанной вышеупомянутым ученым. Мы думаем, что трудна не сама точность, а тот комплекс факторов, включающий в себя затрачиваемые усилия, время и т.д., которые предшествуют ее достижению. На пути к достижению точности мы отбрасываем все лишнее, в начале осознав, что оно является таковым, и убедившись, что без него наши действия становятся более совершенными.

Точность это результат. Если мы обретаем точность, которая вмещает в себя адекватность, своевременность, отсутствие лишнего и наличие необходимого, то мы становимся способными к достижению поставленной цели наиболее оптимальным путем. В этом смысле экономия и точность являются синонимами.

Следует отметить, что достижение точности выступает в качестве никогда непрекращающегося процесса, который влечет за собой все более и более глубокое совершенствование всех видов деятельности человека, в том числе, естественно, и речевой. В конце концов, нужно достигать того, чтобы энергия, расходуемая при языковом общении, имела бы тенденцию быть пропорциональной количеству переданной информации. Можно воспользоваться и более доходчивыми словами, сказав, что «человек должен расходовать ровно столько речевых усилий, сколько требуется для того, чтобы его речь была понятной собеседникам» [Мартине,1963:536].

А. Мартине делает вывод, что в любом языковом коллективе делается все возможное, чтобы сохранить некоторое равновесие между потребностью выражения и числом знаков, необходимых для такого выражения. С увеличением числа знаков, соответственно, увеличиваются затрачиваемые усилия. Увеличение же затрачиваемых усилий неэкономно, тогда как сохранение равновесия, наоборот, служит проявлением экономии.

Развивая и конкретизируя эту теорию, А. Мартине показал, что принцип экономии можно проследить на всех уровнях языковой системы. В процессе коммуникации два плана языка план содержания и план выражения

постоянно взаимодействуют. В этом взаимодействии между планом выражения и планом содержания заложены потенциальные возможности для реализации закона экономии в языке. Смысл лингвистической экономии в данном случае состоит в следующем: вновь появившийся предмет [или понятие] реальной действительности осмысляется в плане содержания таким образом, что в плане выражения ему соответствует сочетание из двух или более единиц. Благодаря действию экономии это несоответствие в процессе коммуникации сводится к тому, что одна единица плана выражения способна передать и передает одну единицу в плане содержания, а не в двух, трех и более. В плане слов и знаков каждый языковой коллектив в каждый момент находит определенное равновесие между потребностями выражения, для удовлетворения которых необходимо все большее число все более специальных и соответственно более редких единиц, и естественной инерцией, направленной на сохранение ограниченного числа более общих и чаще употребляющихся единиц» [Мартине,1960:126]. Такую экономию А. Мартине называет синтагматической. При этом часть из этих единиц вследствие появления новых единиц исчезает как излишняя, а часть, сохраняясь под действием сил инерции, изменяется качественно, так как первый фактор вынуждает их обогащаться новыми дополнительными значениями для удовлетворения новых потребностей.

Язык находится в динамическом равновесии, он изменяется, развивается, обогащается новыми единицами, не перегружаясь бесполезными излишествами, но и не поддаваясь чрезмерной инерции в ущерб все растущим выразительным потребностям. Здесь имеет место взаимопроникновение обоих факторов в сферы действия друг друга: принцип экономии укорачивает существующие единицы языка и ограничивает новые словарные пополнения, ликвидируя излишества, а потребности выражения увеличивают полисемию прежнего лексического состава или, по меньшей мере, сохраняют прежнее количество информации во все укорачивающихся старых единицах языка. Однако это взаимопроникновение А. Мартине не

видит. Он обращает внимание только на одностороннее проникновение одного фактора в сферы действия всех других. Как уже указывалось выше, А. Мартине отмечает действие принципа экономии «и при ликвидации бесполезных различий, и при сохранении существующего положения» [Мартине, 1960: 130].

В.А. Звегинцев назвал экономию А. Мартине стержнем, вокруг которого последний располагает свои работы: «Принцип экономии у А. Мартине составляет такую же общую основу эволюции языков и их структурного строения, какую бинаризм – у Р. Якобсона» [Звегинцев, 1968: 321].

В отечественном языкознании появилось довольно много работ, в которых экономия речевых средств рассматривается наряду с другими кардинальными лингвистическими проблемами.

Так, например, В.Г. Адмони пишет о влиянии закона экономии на исчезновение формальных признаков рода, падежа у немецких существительных и передаче всех этих категорий в детерминативах. Он говорит: «Нельзя отрицать, что множество процессов грамматического развития непосредственно объясняются явлениями этого рода» [т.е. экономии. – В.Е.] [Адмони, 1964: 58]. Однако он не абсолютизирует экономию и не рассматривает ее как основной закон развития языка, как это делает А. Мартине. «Явлением экономии, пишет В.Г. Адмони, можно объяснить в немецком языке развитие «монофлексии» [Адмони, 1955:261-262]. Под «монофлексией» понимается существующая в немецком языке тенденция снабжать грамматическим показателем только один член синтаксической группы. Этот показатель выражает синтаксические отношения всей группы, а также частично выражает грамматический характер самого существительного.

Кроме того, В.Г. Адмони указывает, что на определенных участках грамматического строя фактор экономии особенно активен и значим, но вместе с тем он активен только в определенные исторические эпохи, и его нельзя рассматривать как фактор определяющий.

В.Г. Адмони подчеркивает, что «момент экономии соприсутствует в очень многих грамматических процессах грамматического строя, но как момент отнюдь не определяющий» [Адмони, 1964:60]. Он говорит, что такие явления как смещение ударения, стяжение некоторых гласных принимают активное участие в более глубоких преобразованиях строя языка.

Наши собственные наблюдения позволяют нам сказать, что было бы ошибочным недооценивать роль экономии и ограничивать ее только областью фонологии и морфологии, игнорируя при этом область синтаксиса и особенно синтаксиса диалогической речи, где экономия наиболее четко манифестируется, на что указывал еще А.М. Пешковский [см. выше].

Вполне очевидно, что в процессе речевой деятельности реализация закона экономии не может заключаться только в том, что «некоторые конечные согласные опускаются» или «развиваются монофлексии». Именно благодаря действию экономии в языке возможны такие явления как совмещение тождественных элементов, синкретизм, замещения различного характера, а также делается возможным элиминирование целых структур, если они избыточны в процессе передачи информации, что так характерно для диалогической речи. Об этих и некоторых других процессах, основанных на действии принципа экономии, говорили в своих работах Р.Е. Дудучава, Н.В. Варгина, О.И. Реунова, В.П. Кобков и другие.

Стремление максимально сократить число формальных средств [знаков] выражения должно вести к возможно более эффективному использованию тех, которые остаются в речи. Так возникают способы выражать одну и ту же мысль, одно и то же содержание с помощью формально свернутых [сокращенных] средств. Для работ последних лет характерно то, что лингвистика не ограничивается констатацией фактов экономии в языке и речи, а пытается установить теоретические основы этого явления. Более глубокое изучение экономии позволяет осмыслить и по-новому посмотреть на такие явления как номинализация, субституция, компрессия и другие.

Использование носителем языка свернутых, сокращенных конструкций вместо развернутых обусловлено общей тенденцией к экономии языковых средств – язык вырабатывает сжатые формы выражения [сжатый синтаксис], позволяющие выразить сложные мысли более простой формой. Эти формы вырабатываются в индивидуальных актах отдельных индивидов и направлены на устранение избыточности, т.е. семантико-грамматического дублирования [особенно в диалогической речи].

Отметим, что существуют и другие пути реализации сжатости, восстановить которые помогает трансформационная грамматика.

Одним из важнейших достижений современной лингвистики следует признать разработанное Н. Хомским учение о поверхностных и глубинных синтаксических структурах. Подобно тому, как возникновение теории фонем дало возможность за бесконечным разнообразием реально произносимых звуков увидеть строго ограниченное количество функционально значимых звуковых типов, или фонем, точно также возникновение теории поверхностных и глубинных структур дало возможность за бесконечным разнообразием реально употребляемых в речи синтаксических структур увидеть строго ограниченное количество функционально значимых структур. Поверхностные структуры, реально употребляемые в речи, порождаются от глубинных структур при помощи определенных правил, зная которые можно из строго ограниченного набора глубинных структур образовать все бесконечное множество реально употребляемых предложений того или иного языка. С формальной точки зрения, благодаря трансформациям могут совершаться четыре типа операций над символами: 1] субституция; 2] перестановка элементов [пермутация]; 3] добавление [адъюнкция]; 4] исключение элемента [эллипсис] [Хомский, 1962].

Как известно, трансформационная грамматика, изучая порождение синтаксических конструкций путем модификации простых предложений, естественно изучает и те их трансформации, которые ведут к порождению более экономных [менее объемных] синтаксических конструкций.

В этом плане следует рассматривать трансформацию номинализации и трансформацию редукции. Включение номинализованных конструкций в так называемые матричные предложения ведет к вычеркиванию некоторых членов этих конструкций, замене нулевыми позициями [морфемами], что тоже должно рассматриваться как средство экономии в языке.

При двухбазисных трансформациях возможны такие процедуры, ведущие к сокращению полученного двухбазисного трансформа, как нулевание, субституция, редукция связующих слов, редукция вспомогательных глаголов, идентичных элементов.

Трансформацию номинализации можно также рассматривать как одно из средств языковой экономии, поскольку здесь вместо соединения двух предложений в одном высказывании одно из них преобразуется в именную фразу, которая включается в другое предложение. Благодаря этому образуется сжатая экономная конструкция, передающая объем информации двух [а иногда и более чем двух] предложений. Например: We saw him, he was reading a poem. ---We saw him reading a poem.

Разделяя мнение Н. Хомского относительно возможности создания неограниченного количества поверхностных структур на базе определенного набора глубинных структур, Л.С. Бархударов отмечает, что «в этом отношении представляется уместным говорить о «редуцирующей способности» теории глубинных и поверхностных структур». Под «редуцирующей способностью» он имеет в виду «сведение всего многообразия реально функционирующих в речи единиц к ограниченному инвентарю непосредственно ненаблюдаемых, но функционально существенных элементарных единиц. Суть «редуцирующей способности», стало быть, заключается в сведении бесконечного к конечному, без чего невозможна никакая наука» [Бархударов, 1974:6869].

Трансформационная порождающая грамматика описывает, прежде всего, компетенцию говорящего, точнее говоря, она сосредотачивает свое внимание на внутреннем языковом механизме, наблюдаемом не

непосредственно, но через призму речевой деятельности. В применении к этому механизму можно сказать, пользуясь метафорой из области физики, что языковая экономия – это сокращение количества работы, выполняемой этим внутренним механизмом. Таково своеобразное представление генеративной грамматики об экономии [Литвинова, 1999:98].

Однако нам кажется, что речевая деятельность и порождение предложений рассматривается в этой теории только с точки зрения операций мышления и создания формул предложений. Реальный язык с его словарным составом и исторической обусловленностью, его семантика остаются за пределами исследования. Главным объектом является синтаксис, а все остальное, будь то семантика или фонология, выполняют по отношению к синтаксису лишь интерпретирующие функции.

Кроме вопросов, связанных с теорией порождения предложений, большое внимание трансформационная грамматика уделяет понятиям морфем-заместителей и нулевых морфем. Если морфемы-заместители освещались в лингвистике и раньше [Ярцева, 1949:199; Блумфилд, 1968:269-290], то понятие нулевой морфемы в синтаксической конструкции – открытие лингвистики последних лет и трансформационной грамматики – в частности [Хэррис,1962]. Широкое использование морфем-заместителей и нулевых морфем следует рассматривать как один из путей экономии в языке.

Нельзя не отметить, что некоторые лингвисты, хотя и признают влияние экономии в реальной языковой действительности, однако не всегда рассматривают ее проявление как несомненное достоинство языка. Так, Э. Хауген в одной из своих работ крайне скептически высказывается относительно тех языков, которые обладают минимальным числом флексий. Он подчеркивает, что «экономия средств выражения не всегда является достоинством языка. Иногда она является результатом бедности» [Хауген, 1960:262]. В данном высказывании Э. Хаугена мы усматриваем критику «теории прогресса», предложенной О. Есперсеном, который считал, что движение языка от флексии к анализу является прогрессивным. Мы

полагаем, что точка зрения О. Есперена более точно соответствует действительности. Язык в своем развитии стремится избавиться от всего того ненужного груза излишеств, который затрудняет его функционирование. Причем он может отказываться от них совсем, либо же заменить их иными, более простыми, удобными и адекватными средствами выражения, соответствующими современному этапу его развития. Конечно, если язык утрачивает что-то необходимое, то это ведет к его обеднению. Однако, возвращаясь к утрате флексий, нам бы хотелось задать вопрос: неужели после почти полной утраты окончаний говорящие на английском языке перестали нормально понимать друг друга? Ответ, без сомнения, будет отрицательным. Так о каком же обеднении может идти речь, если язык сохранил в достаточной мере свою главную функцию средства общения. Отсюда напрашивается вывод о том, что в языке ничего не появляется и ничего не исчезает без появляющейся на то необходимости.

Интересную точку зрения на проблему экономии высказывает Е.Д. Поливанов, который, стремясь раскрыть причину, лежащую в основе принципа экономии и в основе развития языка вообще, пишет: «Если попытаться одним словом дать ответ относительно того, что является общим во всех этих тенденциях разнообразных «типичных» процессов, то лаконичный ответ этот – о первопричине языковых изменений – будет состоять из одного, но вполне неожиданного для нас на первый взгляд, слова – «лень». Как ни странно, но тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых явлений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: «лень человеческая», или – что тоже – стремление к «экономии трудовой энергии» [Поливанов, 1968:81].

Мы отчасти согласны с мнением Е.Д. Поливанова по вопросу о «лени человеческой» как причине языковых изменений. Да, действительно, говорящий может сокращать длину своего высказывания путем опущения какихлибо элементов, исходя из своих личных побуждений. Одним из таких

факторов может быть и лень как свойство, присущее многим людям. Но нам кажется, что в данном случае речь идет о строго индивидуальном, личностном, психологическом подходе. Да, один человек может сказать какую-либо фразу кратко лишь потому, что ему лень распространяться на данную тему. Но другой человек может высказаться лаконично потому, что того требует его внутренняя дисциплина, да, в конце концов, и просто ситуация общения. Кто скажет, что офицеры отдают приказы своим солдатам кратко, точно, лаконично только потому, что они ленятся? Думаем, никто. Так и всю проблему экономии усилий в целом нельзя сводить только к лени. Хотя, вероятно, ее можно рассматривать как одну из причин, ведущих к экономии, но отнюдь не самую главную, и уж тем более не единственную.

В этой связи интересно замечание В.Уитнея, который считал, что экономия может перерастать в лень, так как в этом случае теряется больше, чем приобретается. Поэтому здесь следует говорить о мнимой экономии, или «ленивой расточительности» [lazy wastefulness], которая функционирует в языке одновременно с подлинной экономией, но с полным отсутствием заблаговременной обдуманности и, не заботясь о тех результатах, к которым она ведет [Whitney, 1897:50].

Практически никто до сих пор не оспаривал значение роли тенденции к экономии в истории и функционировании языка. Поэтому несколько неожиданным было появление статьи Р.А. Будагова «Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?» [Будагов, 1972], в которой отрицается какая бы то ни была роль экономии в развитии и функционировании языка. Автор весьма критически высказывается в адрес исследователей, признающих большую роль принципа [закона] экономии в языке: «Пишутся даже статьи и книги о принципах лингвистической экономии, хотя никто толком не знает, что это такое и как следует понимать слово «экономия» [или термин «экономия»?] по отношению к такому сложнейшему феномену, каким является язык» [Будагов, 1972:17]. Такой упрек вряд ли справедлив. Ведь каждый автор исходил из своего понимания

и давал посильную аргументацию выдвигаемых им положений. Одни положения были верны, другие верны с оговорками, третьи ошибочны.

Мы не видим особых мотивов для категорического расчленения языковой экономии на два «вида», на котором настаивает Р.А. Будагов: «С самого начала следует расчленить проблему. В последующих строках речь будет идти не о том, на сколько «экономны» отдельные слова, словосочетания или предложения в отдельных языках, а об «экономии» как об общем понятии, на основе которого стремятся объяснить важнейшие процессы развития и функционирования языка. Различия между двумя видами «экономии» надо подчеркнуть тем сильнее, чем чаще они практически смешиваются и даже отождествляются. Говорят, например, вот это аббревиатура такого-то слова или выражения», следовательно, язык действует по принципу «экономии». Между тем подобное заключение несостоятельно. «Сокращаясь» в одних своих сферах, язык обычно «расширяется» в других своих сферах. Поэтому отмеченное заключение – результат антисистемного понимания языка».

Расчленение языковой экономии на экономию в отдельных частях системы и «экономию как общее понятие» можно считать только временным, рабочим разделением, так как, в конечном счете, от изучения проявлений экономии в отдельных частях языковой системы следует переход к характеристике экономичности языка в целом. Против такого расчленения никто возражать, очевидно, не станет. Возражение может вызвать лишь то, что Р.А. Будагов считает правомерным говорить только об экономии «как общем понятии» без учета проявлений ее в отдельных частях языковой системы, а между тем, без их учета нельзя всесторонне рассмотреть и объяснить важнейшие процессы развития и функционирования языка. У самого Р.А. Будагова это расчленение приведено не очень четко: под «экономией как общим понятием» он подразумевает не язык как систему в целом, а лишь его огромные «богатства наличных средств выражения», что является шагом назад от общего к частному. Как явствует из приведенной

цитаты, Р.А. Будагов отвергает необходимость изучения и учета проявлений экономии в отдельных частях системы языка и оспаривает правомерность каких бы то ни было выводов на базе обобщения этих частных случаев. Вопреки установленным фактам проявления экономии в фонетике, морфологии, синтаксисе, т.е. практически во всех сферах системы языка, Р.А. Будагов подвергает сомнению действие закона экономии в языке как системе на том лишь основании, что язык, развиваясь, постепенно обогащается выразительными средствами, пополняет и все более дифференцирует свой словарь. Но такой вывод не учитывает проявлений экономии как в остальных частях системы языка, так и в самой сфере словаря. Обогащение словаря выразительными средствами не исключает бережливости при их формировании и использовании. Богатство средств выражения в языке можно вполне сочетать с их экономией, так как именно оно позволяет языку обеспечивать экономию выразительных средств в процессе его функционирования. Тем более что «язык не должен быть архисложным образованием, непомерным по ресурсам и беспредельным для познания и овладения им» [Мишкуров, 2000:9].

Если словарь естественного языка лишить не только лексических слоев, но и значительной части слоев, несущих основной, предметный смысл и таким образом ограничить словарь языка небольшим числом простых, легких для усвоения лексических единиц и в речи выражать предметный смысл также способом семантического разложения, то язык сохранит свою способность выражать всю необходимую информацию, но при этом превратится в чрезвычайно неэкономное средство общения.

Одним из фундаментальных свойств лингвистического знака – быть соотносимым с разными предметами явлениями реального и воображаемого мира [с разными денотатами] – обусловлено наличием в естественных языках подавляющего количества многозначных слов [по данным Р.А. Будагова – около 80%] [Будагов, 1974:117].

Основным лингвистическим фактором, оказывающим решающее влияние на появление многозначных и омонимичных слов, как утверждают многие ученые, являются происходящие в языке в процессе его исторического развития фонетические изменения и случайные конвергенции и, как следствие этих изменений, семантические и постсемантические сдвиги и трансформации [Блумфилд, 1968:427]. С другой стороны, появлению многозначных слов в языке способствуют научно-технический прогресс и прогресс цивилизации вообще, которые приводят к необходимости не только образовывать новые слова, но и добавлять новые значения старым словам.

Многозначность [или полисемия] языкового знака является проявлением его асимметричного дуализма, представляет собой одну из семантических универсалий. Вопреки, на наш взгляд, частично верному утверждению Л. Ельмслева, что «выражение и содержание во всех отношениях являются координированными и равноправными сущностями» [Hjelmslev,1961:60], существует очевидное неравновесие, диспропорция между семантической стороной языка и фонетической с точки зрения их объемов и сложности. Поэтому было бы неверно рассматривать полисемию естественного языка как нарушение «закона знака». Такое мнимое «нарушение» является закономерным и естественным, ибо, если бы координация между формой и значением определялась пропорцией 1:1, то язык превратился бы в такое же «адски неудобное» средство общения, что и язык с реализованным принципом «одно слово одно значение, одно значение – одно слово». Нетрудно представить себе, каким неэкономным и громоздким был бы языковой код. Это привело бы к непомерному и практически необозримому количеству знаковых единиц, а «это затруднило бы для носителей языка пользование им;…и такое устройство противоречило бы природе языка как инструмента познания» [Литвин, 1984:4]. Такое положение, подчеркивает С. Ульман, «означало бы, что мы должны держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить. Это означало бы также, что в языке не должно быть

метафор, а тогда язык в большей мере оказался бы лишенным своей выразительности и гибкости» [Ульман, 1970:267]. Но, к счастью, ни один естественный язык не реализует в сколько-нибудь значительной степени этого принципа [Будагов,1974:118; Мартине, 1963:463], так как проигрыш во времени в процессе постоянного использования такого языка оказался бы во много раз больше тех дополнительных усилий, которые мы тратим на ограниченное во времени усвоение богатых выразительных средств языка. А «всякая экономия, отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс, в конечном счете, сводится к экономии времени» [Маркс, Энгельс, 1960:117].

Тот факт, что, как справедливо отмечает Р.А. Будагов, язык, сокращаясь в одних своих сферах, обычно расширяется в других, не отменяет закона экономии, а говорит лишь о необходимости всестороннего учета проявлений разных тенденций во всех частях языковой системы. Так, одновременно с тенденцией к экономии существует и тенденция к избыточности, противоположная первой. Являясь специфической чертой разговорной [диалогической] речи, языковая избыточность обусловлена, как правило, экстралингвистическими факторами [часто психологическими, передающими эмоциональное состояние участников диалога]. Она проявляется постоянно на двух уровнях: синтаксическом и семантическом.

«Синтаксическая избыточность означает какие-то добавления к тексту; говорится или пишется что-то сверх того, что строго необходимо для передачи сообщения» [Черри, 1972:147]. Такая избыточность необходима «для защиты от различных возмущений, исходящих из окружающей среды, вызванных неопределенностью произношения или неточностью почерка, а также несовершенством самого языка. Последние требуют от нее развертывания фраз и предложений до тех пор, пока мы не почувствуем, что выразили то, что хотели сказать».

Семантическая избыточность требует особых знаков, что находит выражение в синтаксической избыточности. В общем, избыточность предполагает наличие определенных повторов или дополнительных знаков.

Становится очевидным, что избыточность существует в языке не только объективно, но и создается нами при необходимости, особенно в том случае, когда мы хотим придать сообщению большую убедительность.

Избыточность информации становится средством, при помощи которого уменьшается число семантических помех. Однако это средство может употребляться лишь до определенного предела, выход за который дает обратный эффект увеличение числа семантических помех. Следовательно, избыточность и отсечение избыточности сосуществуют одновременно [Соколовский, 1982:87].

Когда мы говорим о необходимости отсечения информации, то в каждом конкретном случае нужно придерживаться одного важного условия, что делать это можно до определенного предела, после которого восстановление сообщения становиться невозможным. Вот что по этому поводу замечает Дж. Пирс: «До сих пор мы стремились полностью устранить избыточность с тем, чтобы передавать только абсолютный минимум информации, позволяющий восстановить исходное сообщение. Но если такое устранение проведено достаточно успешно, то любая ошибка в передаче сообщения исказит или изменит его смысл» [Пирс, 1967:79]. Таким образом, существует предел сокращения избыточности, и переход чрез него делает сообщение менее сопротивляющимся помехам. Определение такого предела производится с помощью следующей операции: «Мы убираем из этого сообщения знаки до тех пор, пока это не лишает сообщение понятности, т. е. пока оно не теряет своего смысла» [Крамш, 1990:107]. В итоге мы получаем такой отрезок информации, из которого нельзя изъять ни один знак, не изменяя его смысл.

Компенсирующее развертывание элементов языковой структуры наблюдается, видимо, только там, где допущено чрезмерное сокращение в ущерб ясности мысли. При этом само развертывание идет под контролем того же закона экономии. Конечно, развертывание элементов языковой структуры не всегда диктуется необходимостью компенсировать чрезмерную экономию в какой-либо части языковой системы. Оно имеет место и при

возникновении потребности в дополнительных выразительных средствах, диктуемых развитием производства, науки, литературы, искусства, межъязыковых связей и т.д. Но и в этом случае формирование новых выразительных средств происходит не без сдерживающего влияния закона экономии. Из сказанного становится ясно, что успешная передача информации и ее прием заключаются в «балансировании между избыточностью и ее отсечением» [Соколовский, 1982:95].

Таким образом, необходимо уметь видеть проявления экономии не только там, где язык «сокращается», но и там, где он «расширяется». Общее понятие экономии в применении к языку следует понимать как синтез проявлений экономии во всех сферах, как результат всестороннего учета «сокращений» и «расширений» в отдельных частях системы языка. Вывод об экономии как принципе развития и функционирования языка основывается на фактах ее проявления во всех сферах его системы.

По этому поводу считаем уместным привести высказывание Р. Якобсона, который говорит: «В настоящее время едва ли можно мыслить себе лингвистическое исследование без учета двух процедур: устранения избыточности и использования избыточности» [Якобсон, 1985:580].

Все языки обладают известной степенью избыточности. Такая избыточность – «запас прочности» языка, необходимый ему для успешного функционирования. Подсчитано, что эта избыточность у разных естественных языков колеблется в пределах от 70 до 80%. Английский язык более экономичен, чем немецкий и русский. По подсчетам некоторых ученых, избыточность английского языка даже ниже 70%, а А. Кондратов считает, что она составляет около 50% [Kondratov, 1969]. И, тем не менее, английский язык вполне успешно выполняет свои функции средства общения.

В своей статье Р.А. Будагов ставит задачу показать, что экономию часто видят там, где в действительности ее совсем нет. Из следующего ряда предложений: «Как начал работать – понемногу откладывал деньги на

покупку «Москвича» = Откладывал деньги на «Москвича» = Откладывал на «Москвича», Р.А. Будагов берет последнее и указывает, что в нем осложняется семантика глагола «откладывать», выступая здесь в значении «откладывать деньги». Таким образом, по мнению Р. А. Будагова, «предложение, короткое по длине и тем самым, казалось бы, более «экономное», оказывается семантически более сложным и тем самым менее «экономным», чем предложение длинное, но с неосложненной [«ненапряженной»] семантикой глагола «откладывать» [Будагов, 1972:25].

Но в упрощенном предложении семантическая структура осталась прежней: сколько смысла «отделилось» от опущенного слова «деньги», столько «добавилось» к глаголу «откладывать», количество информации осталось прежним. В данном случае Р.А. Будагов странно понимает термин «экономия»: выигрыш в длине речевого отрезка [его укорочение] должен означать проигрыш в количестве передаваемой информации [сокращение ее объема], по Р.А. Будагову – в семантической сложности.

Все примеры, приведенные Р.А. Будаговым против «постулата экономии», на самом деле оборачиваются в пользу этого постулата. Не составляют исключения и примеры, призванные опровергнуть наличие связи между экономией и дифференциальными тенденциями в языке. Связь здесь самая непосредственная. Дифференциация в языке – это навязывание экономии языку: раз усвоив все богатство выразительных средств языка [а чем более эти средства дифференцированы, тем они богаче], носитель данного языка обеспечивает себе на всю жизнь выигрыш во времени, в выразительности и яркости речи и т.д. Р.А. Будагов упустил из виду диалектику этой связи и пришел, на наш взгляд, к ошибочному выводу о том, что «экономия» и дифференциация – взаимоисключающие друг друга понятия».

Наиболее адекватную оценку причин, лежащих в основе тенденции к экономии в языке, дает, по нашему мнению, Б.А. Серебренников. Он полагает, что «источником тенденции к экономии является человеческий

организм. Принцип экономии в языке – одно из частных проявлений инстинкта самосохранения. Это своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и восприятием речи. Отрицание роли экономии в языке равносильно отрицанию всех защитных функций человеческого организма» [Серебренников, 1974: 27].

Действительно, в языке очень многое зависит от особенностей чисто биологической организации человека. Человеческий организм отнюдь не безразличен к тому, как устроен языковой механизм. Он старается определенным образом реагировать на все те явления, возникающие в языковом механизме, которые недостаточно соответствуют определенным физиологическим особенностям организма. Таким образом, «возникает постоянно действующая тенденция приспособления языкового механизма к особенностям человеческого организма, практически выражающаяся в тенденциях более частного характера» [Серебренников, 1983: 49]. Одной из таких тенденций и является тенденция к экономии языковых средств, объясняющаяся биологическими особенностями человеческого организма и проявляющаяся в самых различных языках мира. Более того, биологические характеристики, будучи по большому счету сходными у всех рас и народов, позволяют нам говорить о тенденции к экономии как о законе, носящем универсальный характер. «Физиологическая общность устройства мозга и органов восприятия [и производства речи В.Е.] является условием одинакового отражения окружающего мира, а, следовательно, и общности логического мышления, Это обуславливает возможность выбора одинаковых или, по крайней мере, сходных средств выражения мыслей». Таким образом, принципиальная тождественность психофизиологических структур органов чувств и органов речи, а также идентичность механизма отражения высшего яруса – сознания и мышления у всех представителей человеческой расы являются стержневыми факторами общения. По мнению Ю.А. Дубовского и

Н.А. Грейдиной, «с информационной точки зрения тождественность такого аппарата необходима – дифференциация принимающей и передающей систем нарушала бы коммуникацию, не допуская ее осуществления» [Дубовский, Грейдина, 1997:143]. Именно идентичность, проявляющаяся в мозговых и речевых структурах, способах выражения мысли, регуляторах декодирования и понимания являются залогом «интегративности существования человека», которая реализуется посредством коммуникации.

При объяснении причин исчезновения языковых излишеств в языке Г. Пауль указывает: «Одна уже бесполезная перегрузка памяти служит достаточным основанием для устранения этих излишеств» [Там же, с. 302]. В главе «Экономия языковых средств» он пишет, что «для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости», и, исходя из этого, «в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания» [Там же, с. 372]. Поэтому мы приходим к заключению, что Г. Пауль рассматривает языковую экономию в количественном понимании и не отступает от этой идеи. Нельзя не сказать, что не все исследователи отводили языковой экономии усилий особую роль. Некоторые лингвисты выражали скепсис по поводу роли данного фактора. Так, Ф. де Соссюр, рассуждая о законе наименьшего усилия, полагает, что закон этот требует исследования, выявить причину феномена или же определить пути его описания можно лишь в некоторой мере [7, с. 140-141]. Начало систематического исследования языковой экономии в качестве фактора развития языка можно связать с именами таких ученых как В. Уитней, Г. Суит, О. Есперсен. По мнению В. Уитнея, основная причина многих явлений, приводящих к изменению формы слова, – это «предрасположенность, или, по крайней мере, готовность отсекать такие части слов, которые могут быть утрачены без ущерба для смысла и, таким образом, вырабатывать такие формы, которые будут более приспособлены для нужд пользователей, которые в большей степени будут соответствовать их привычкам и предпочтениям» [9, p. 50]. В.

Уитней выражает мысль о том, что, несмотря на наличие определенных противоположно направленных явлений, некоторые из которых могут быть преобладающими в конкретный момент, лингвистам и лингвистике в целом не удалось обнаружить другой более фундаментальный закон, чем закон лингвистической экономии. «Этот закон является еще одной манифестацией той же самой тенденции, которая заставляет людей использовать сокращение на письме, избирать кратчайший путь, вместо того, чтобы ходить вокруг да около и прочие вещи, в которых нет вреда». В. Уитней полагает, что тенденция к экономии – это естественная причина сокращения слов, при этом, по его мнению, наибольшее проявление она имеет именно в сокращении слов. «Очевидно, не нужно больше ничего для объяснения постепенной редукции формы, которая происходит в единицах, составляющих каждый из языков». Он считает, что, будучи, с одной стороны, разрушающей силой, она же является и силой созидающей. Не будь ее, сложные слова оставались бы всегда неизменными. Кроме того, стремление облегчить произношение, оно же – тенденция к экономии, проистекает из самой человеческой природы, из его устройства, при этом экономия при произнесении не осознается самим человеком. Пожалуй, мы едва ли в обыденной жизни придаем значение тому, что прибегаем к экономии, и уж тем более не задумываемся, как это происходит. При этом, если человеку предоставляется выбор – сказать что-то в краткой форме или полной, он однозначно выберет краткость, понимая на бессознательном уровне простоту и удобство такого способа выражения.

Интересной представляется идея В. Уитнея о модификации звуков речи и процессе освоения речи. Он считает, что в процессе освоения более высокого уровня владения «искусством выражения в словах» [the art of utterance] органы человека могут создавать и использовать более точно различимые и более утонченные оттенки смысла. Он связывает это с тем, что взрослые говорящие достигают более высокого уровня в конкретном языке, и та форма, которую они наследуют, становится нормой, к которой и стремятся

по мере своих возможностей осваивающие язык. Исходя из этого, благополучное овладение языком – это, по сути дела, экономное использование его ресурсов и применение нужных единиц в зависимости от ситуации и с учетом специфики отдельно взятого адресата. Параллельно с В. Уитнеем исследованием языковой экономии занимался Г. Суит. Результаты его исследований и выводы В. Уитнея схожи. Г. Суит воспроизвел эволюцию многих звуков, и не только в английском языке, через изучение причин фонетических изменений. При этом он заметил, что часто ослабляются или же вовсе опускаются, к примеру, конечные согласные, но это никак не мешает слушающим понимать речь, что, по его мнению, обусловлено логикой. А логическая необходимость может встречаться с органическим и акустическим законами. На основании выводов Г. Суита мы приходим к выводу, что язык представляет по своей сути весьма компактную и экономичную систему, для которой характерной является тенденция к экономии, которая до определенной степени руководит речью человека, а все, что усложняет язык, должно быть ликвидировано его внутренними законами. Отсюда – экономия речи является существенным моментом и важным фактором развития языка. После небольшого обзора теорий, исследующих языковую экономию в качестве одной из тенденций или же явлений, мы хотели бы сделать вывод о том, что необходимо усматривать экономию и ее проявления не только там, где «сокращается», но и там, где язык «расширяется». Также мы хотели бы пояснить, что использование несколько различной терминологии, а именно: тенденция к экономии, языковая экономия, лингвистическая экономия, принцип языковой экономии – обусловлено тем, что различные ученые по-разному трактовали и называли само явление экономии, выявляя его разную важность и роль. Мы в данной работе не разграничиваем данные термины, являющиеся, по нашему мнению, лишь различными названиями одного и того же явления. Само понятие экономии в отношении языка мы рассматриваем как синтез проявлений экономии во всех сферах, а также как результат полного учета «сокращений»

и «расширений» в разных частях системы языка. Из этого следует, что экономия как один из принципов функционирования и развития языка строится на фактах ее проявления во всех сферах его системы. Здесь же мы сталкиваемся с понятиями избыточности в языке и в тексте, с разными способами ее устранения, что приводит к более тщательному исследованию принципа экономии на материале различных языков.

### 1.2. Значение лингвокогнитивного подхода в анализе текста

В современном отечественном языкознании [и когнитивной лингвистике, в частности] активно обсуждается ряд вопросов, связанных с методологией лингвистического, и особенно лингвокогнитивного исследования. Исследователи говорят о смене парадигмы современного языкознания, во многом обусловленной развитием научно-технического прогресса и появлением методов компьютерного моделирования систем и процессов. Р.Г. Пиотровский назвал новую доказательно-экспериментальную парадигму «синергетической» и заявил о необходимости «...применения новой исследовательской технологии, принципиально отличающейся от тех приёмов, которыми пользовались филологи, работавшие в русле описательной и структурной парадигм. Работая в кадре синергетической парадигмы, исследователь не может ограничиться прямым наблюдением над изучаемым объектом и рассуждениями по поводу этих наблюдений, с тем чтобы в заключение предложить некоторую не верифицируемую гипотезу».

Вслед за Пиотровским А.А. Худяков и Е.М. Чухарев говорят, уже применительно к методологии когнитивной лингвистики, что «самым продуктивным... мог бы стать анализ когнитивной в своей основе лингвистической теории, положения и выводы которой были верифицированы объективными методами - постановкой психолингвистического эксперимента и статистической обработкой полученных в ходе этого эксперимента данных»

Язык есть материальная семиотическая система, предназначенная для передачи информации, т.е. язык есть средство общения людей. «Именно коммуникация, т.е. всеобщее взаимопонимание, представляет собой главную функцию того орудия, которое называется языком», подчеркивает А. Мартине [Мартине, 1963:371]. Аналогичные взгляды развивает и Э. Косериу: язык относится к явлениям, которые определяются своей функцией. «Язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» [Косериу,1963:156].

Понимание языка как системы, т. е. осознание того, что язык представляет собой не простой набор разнородных элементов [слов, грамматических форм и т.д.], а своеобразное единство взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодействующих частей и что его отдельные элементы должны рассматриваться в их отношении друг к другу и к тому целому, в состав которого они входят, является одним из краеугольных камней, на котором основываются современные лингвистические исследования.

Общепризнанной является точка зрения, что полное описание лингвистической единицы может быть достигнуто только при использовании методики системного анализа.

Системное изучение языка исходит из обязательной взаимосвязи и взаимообусловленности различных его компонентов. Эту точку зрения на свойства системного лингвистического анализа высказывает В. Матезиус: «Лингвистический анализ, основанный на системных принципах, должен быть в конечном итоге направлен на установление взаимных причинных связей между сосуществующими явлениями данного языка» [Матезиус, 1967:227]. Подчеркивая преимущества системного изучения языка, В.В. Виноградов высказывает мнение, что «системное описание экономнее несистемного» [Виноградов, 1969:258]. А В. Матезиус считает, что оно вскрывает «более глубокие факторы действительности» [Там же. С. 227].

Принцип экономии системного анализа проявляется в том, что свойства единиц описываются упорядоченно, в границах определенной классификации, которая учитывает вновь возникающие свойства как результат взаимодействия этих единиц. Выявление системных связей между компонентами языка способствует планомерному проникновению в его сущность и его природу, вскрывает причинно-следственные глубинные отношения между сопоставляемыми единицами и тем самым делает более обоснованной и последовательной их классификацию. По существу, системное описание различных аспектов языка является единственно возможной формой его изучения, т.к. «…никакой элемент системы языка не может быть надлежащим образом оценен, если не принимаются во внимание его отношения с другими элементами той же самой системы»[Vallins, 1976:54].

Язык выступает как сложная система, характеризующаяся наличием частных подсистем, обладающих разным назначением и различной степенью сложности. Поэтому язык можно назвать не просто системой, а в некотором смысле системой систем. Рассмотрение языка как системы предусмотрено уже в традиционной модели его описания, распределяемого по разделам: фонетика, грамматика [морфология и синтаксис] и лексикология.

Единицы языка суть либо двусторонние единицы – звуковые комплексы, выражающие определенные значения, либо односторонние единицы – отдельные звуки [фонемы], служащие для различения двусторонних единиц. Применение языка в качестве средства общения, т.е. его речевое использование, состоит, в конечном счете, в образовании из элементов языка особых систем, формирующих, выражающих и передающих информацию. Такие образующиеся в процессе речи системы представляют собой конкретные предложения, которые, будучи речевыми системами, состоят из единиц языка. Сами единицы языка различаются по степени сложности и по своему назначению. При этом единицы более высокого порядка не развиваются из единиц менее высокого порядка. Поэтому в языке и в

речевых системах, образованных из единиц языка, отношения низших и высших уровней есть отношения компонентов и целого, но не эволюционное отношение.

Тем не менее, различия единиц языка по степени сложности и назначению, обуславливающие их качественное своеобразие, а также своеобразное «вхождение» низших единиц в высшие, позволяет применять к отношению между единицами разной степени сложности понятие «иерархичности» и рассматривать такие единицы как единицы разных уровней. Теория, имеющая целью отразить существенные черты самого языка, а не разные подходы лингвистов к языку, должна строиться на том исходном положении, что языковой уровень характеризует, прежде всего, поддающийся вычленению сегмент языковой системы, имеющей объективно иерархическое строение. Исходя из представления об уровне как области функционально однородных единиц, служащих строительным материалом для другой, иерархически высшей, смежной области, Ю.М. Скребнев предлагает следующую дефиницию: «Языковой уровень – это порядок языковой единицы, мера ее сложности и степень ее членимости» [Скребнев, 1985:79]. Как заметил Э. Бенвенист, единица каждого данного уровня выступает в качестве знака по отношению к смежному, более высокому уровню [Benveniste, 1966:126].

Трактовка понятия «уровень», которую дает Б.А. Серебренников, созвучна вышеприведенным дефинициям. Он говорит, что «уровнями, или ярусами языка, составляющими его структуру, называются последовательно усложняющиеся системы линейных единиц, в которых единица высшего уровня состоит из единиц предшествующего уровня. Иначе говоря, уровни – это системы единиц разной сложности, находящиеся между собой в отношениях иерархии, которая предполагает возможность получения единиц одной системы путем интеграции единиц другой системы» [Общее языкознание, 1972:97].

Поскольку языковая система характеризуется наличием различного рода единиц, моделей и правил их комбинирования, хотя и не сводится к простому их суммативному набору, постольку связь понятия языкового уровня с совокупностью каких-то единиц несомненна. Трудность заключается в выборе самой совокупности единиц, которая может служить объективным основанием для выделения некоторого уровня, что в свою очередь требует выявления уровневых свойств единиц, т.е. таких свойств, которые могут служить отличительной характеристикой всей совокупности данных единиц.

Если исходить из предположения, что в системе языка имеются различные уровни организации, т.е. уровни, в которых проявляется структурное устройство языка и выделение которых не зависит от точки зрения исследователя, а навязывается самой системой, то, прежде всего, следует выяснить, существуют ли такие общие, присущие всем единицам языка свойства, которые могут служить единым и общим основанием для выявления места тех или иных единиц в системе языка. Свойства всех единиц языка проявляются в их отношениях с другими единицами языка. Что же касается этих отношений единиц языка между собой, то в наиболее общем виде их можно свести к трем общим видам: синтагматические, парадигматические, иерархические.

Синтагматические – это отношения единиц в линейной последовательности [иначе их называют комбинаторными]; парадигматические – это, по терминологии Ф. де Соссюра, ассоциативные отношения [группировки единиц в классы на основании общности или сходства их некоторых существенных свойств]; иерархические – это отношения по степени сложности, или отношения «вхождения» [компонентности] менее сложных единиц в более сложные. Это отношения целого и части, т.е. отношения, характеризующие строение различных единиц. Способность вступать в указанные три вида отношений относится к числу наиболее общих свойств всех единиц языка.

Уровень включает в себя совокупность всех относительно однородных единиц [единиц одной степени сложности], которые могут вступать между собой в синтагматические и парадигматические отношения, но не могут находиться в иерархических отношениях [фонемы не могут состоять из фонем, морфемы – из морфем, слова – из слов]. Единицы, составляющие уровневую организацию, или систему, являются элементами по отношению к этой системе и поэтому являются неделимыми в пределах своего уровня.

Иерархические отношения характеризуют только отношения между единицами разных уровней, т.е. отношения качественно различных величин. При этом переход от единицы более низкого уровня к единице более высокого уровня осуществляется, как правило, в результате комбинирования, т.е. реализации синтагматических свойств элементов более низкого уровня.

Выявление самих лингвистических единиц осуществляется посредством сегментации речевого потока и применения к выделенным сегментам различных видов абстрагирования [прежде всего абстракций отождествления].

Минимальным речевым сегментом является звук или фон, соответственно минимальной лингвистической единицей системы языка оказывается фонема, которую можно определить как класс фонов с тождественными смыслоразличительными функциями.

На следующем этапе сегментации речевого потока выделяются морфы. Морфы – это наименьшие речевые единицы, обладающие значением. Применяя к морфам абстракцию отождествления, мы получим соответствующие лингвистические единицы системы языка – морфемы. Морфему можно определить как класс морфов с тождественными лексическими или грамматическими значениями.

Единицами следующего, более высокого уровня, являются словоформы. Словоформы характеризуются автономностью и относительно свободной выделимостью в потоке речи.

Фраза – это речевая единица высшего ранга. В конечном счете, все средства языка направлены на то, чтобы с их помощь создавать фразы. Непосредственным материалом, из которого складываются фразы, служат словоформы. Но фраза не является простым набором словоформ: она объединяет их в одно структурно-семантическое целое, наделенное определенным качеством, которым словоформы сами по себе не обладают, способностью выражать целенаправленное и актуально согласованное с определенными задачами коммуникации сообщение.

Класс фраз с тождественным составом грамматических форм представляет собой синтаксическую конструкцию. Одна и та же синтаксическая конструкция может быть представлена фразами с различным коммуникативным назначением.

Класс синтаксических конструкций, объединяющий фразы с тождественным коммуникативным назначением, представляет собой предложение.

Следовательно, в качестве лингвистических единиц разных уровней системы языка, таковыми, очевидно, следует признать фонемы, морфемы, слова и предложения. Таким образом, соответственно названным лингвистическим единицам можно более точно выделить основные уровни системы языка:

1] уровень фонемы, или фонетический уровень;

2] уровень морфем, или морфологический уровень;

3] уровень слов, или лексический уровень,

4] уровень предложений, или коммуникативно-синтаксический уровень.

Кроме того, принимая во внимание участие единиц одного уровня в построении единиц другого уровня, можно выделить ряд промежуточных уровней:

1] морфонологический уровень, на котором рассматриваются морфемы с точки зрения их фонемного состава;

2] лексико-морфологический уровень, где подвергаются анализу слова с точки зрения их морфемного состава [отдельные частные сферы этого уровня предоставляют словообразование и формообразование];

3] конструктивно–синтаксический уровень, на котором рассматриваются предложения с точки зрения их формально–грамматического состава [или с точки зрения их позиционной структуры].

Известная схема структурных уровней языковой системы, предложенная Э.Бенвенистом, обнаружила свою незавершенность при лингвистическом анализе целостных текстов. Лингвистика текста опровергла статус предложения как единицы высшего уровня в иерархии языковых единиц. В текстах установлен целый ряд правил языковой структурации. К ним относятся такие лингвистические явления, как правила прономинализации, актуальное членение предложений, функционально–стилистические нормы, ограничения на дистрибуцию в тексте определенных грамматический категорий, синтаксические схемы объединения предложений в более крупные сверхфразовые единства и др. Все это позволяет рассматривать текст как единицу языковой системы наивысшего уровня. Такое утверждение высказывается многими лингвистами [Тураева,1974; Гальперин,1981; Колшанский,1978; Москальская,1981].

Таким образом, статус структурных уровней языка можно признать только за областями, образуемыми следующими единицами: фонема – морфема слово – предложение – текст. Поясним этот итог. Текст есть предложение или группа предложений; предложение состоит из слов: слово есть минимум одна морфема, которая, в свою очередь, либо делится [без остатка] на фонемы, либо состоит из одной фонемы.

Предложенный принцип деления [стратификации] не предполагает, что любые другие единицы представляют меньший интерес для лингвистики: они лишь не относятся к системе уровней, отражающей в наиболее общем виде – в виде единиц качественно различных порядков принципиальную схему строения языка. Принятая здесь система уровней отражает

иерархическую структуру знакообразования, но не предопределяет характера и способа изучения отдельных уровней и, во всяком случае, не ограничивает его пределами каждого данного уровня. Напротив, подход к какому-то из уровней языка как к набору единиц в отвлечении от конструирующих их единиц нижележащего уровня и от функционирования единиц данного уровня на вышележащем уровне лингвистики бессодержателен: ни один из уровней не может быть описан исключительно в терминах единиц, его составляющих.

Очевидно, что и предмет синтаксиса – уровень предложения – разделяет в этом отношении свойства нижележащих уровней: описание предложения оперирует единицами этих уровней. Помимо того, уровень предложения обладает свойствами, отличающими его от других уровней. Он соотносится не только с вышележащим языковым уровнем, но и с внеязыковой действительностью. В описании коммуникативных свойств предложения невозможно отвлечься от учета супрасегментных средств [просодических характеристик] языка, не входящих в систему линейных уровней.

Организация языка как системы предполагает сбалансированность его частей. Когда мы говорим о языковой системе, мы должны помнить, что она представляет собой динамическое, нежесткое, сложное образование, состоящее из нескольких подсистем, коррелирующих между собой. «Система языка рассматривается как незамкнутая система, постоянно взаимодействующая со средой и приспосабливающаяся к условиям своего существования, а потому – подвижная» [Общее языкознание, 1972:52].

Языковая система – это целостная структура; все, что имеет место в одной ее части, отражается и в других частях. Целостность языковой системы, иерархический характер образующих ее уровней требует учитывать при изучении отдельного языкового явления межуровневые связи.

Все в языке служит для выполнения им коммуникативной функции. Именно коммуникативная предназначенность объясняет стремление к гармонии в строении языка – ведь невозможно было бы общаться с помощью

бесформенной кучи отдельных обломков. В уровневом строении языковой системы, в специфике строения отдельных уровней [фонетического, грамматического, лексического], в типах их различий, а также в некотором сходстве черт, прослеживаемых в отдельных уровнях [т.е. явлении изоморфизма], даны закономерности, свойственные системе языка как средства общения людей.

Общение между людьми реализуется при помощи слов. Слово существует в единстве звучания и значения. Звучание только тогда осознается как слово, когда можно указать предмет, явление в реальной действительности или в сфере человеческой мысли, который этим звучанием представляется. Р. Якобсон заметил, что отправитель речевого сообщения действует на морфемном уровне, а получатель на фонемном [Якобсон, 1959:286]. Иными словами, отправитель шлет морфемы, облекая их в фонемное облачение в определенной последовательности, а получатель, воспринимая звуковую цепь и составляющие ее фонемы, перекодирует их в морфемы, содержащие смысл сообщения.

При известной изоморфности своего строения, наблюдаемой при сопоставлении фонетического, грамматического, лексического уровней языка, многочисленными работами доказаны специфические черты, характерные для каждого уровня, и, как следствие, необходимость учитывать диалектику общего и частного. Отдельные части системы языка, ее уровни отличаются по характеру составляющих единиц, и это сказывается на типах взаимоотношений этих уровней. Чаще всего изменения, происходящие в структуре языка, возникают в промежуточных областях, на «стыке» различных уровней языковой системы.

Мы уже говорили о том, что принцип экономии носит универсальный характер, т.е. он выступает в качестве одной из основных причин изменений во всех языках. Теперь же нам хотелось бы сказать о том, что этот принцип проявляет свою универсальную роль и с другой точки зрения, а именно, он находит свое выражение на всех уровнях языковой системы. Конечно,

средства реализации этого принципа на каждом из уровней обладают своей собственной спецификой и должны рассматриваться по отдельности, что и будет сделано ниже. Но сейчас следует отметить тот факт, что результат проявления принципа экономии на разных уровнях всегда один и тот же: это сокращение речевой цепи, а, следовательно, и экономия усилий и времени. Как отмечалось выше, языковая система имеет иерархический характер. Исходя из этого, мы считаем, что многоярусность языковой структуры делает язык очень экономичным и гибким орудием, обеспечивающим удовлетворение выразительных потребностей человека. Эта многоярусность обеспечивает существенную экономию языковых средств при выражении разнообразного мыслительного содержания. Поистине, как говорил Л. Ельмслев, «язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков» [Ельмслев, 1960:305].

Таким образом, экономичность языка проявляется как бы в двух направлениях. С одной стороны, использование языка в качестве средства общения, основанное на экономии всякого рода усилий, исходящей из самого человеческого организма, его психофизиологических особенностей, предопределяет употребление более кратких, конденсированных форм на каждом из уровней языковой системы. А, с другой стороны, именно эти формы, складываясь, все вместе, суммарно позволяют говорить о действии в языке принципа экономии, а по большому счету, и об экономичности языка в целом. В этом и проявляется диалектическое единство общего и частного. «Одно из главных свойств такой целостной организации, какой мы считаем систему, состоит, по всей видимости, в том, что система, образуясь из отдельных частей и завися от их индивидуальных свойств, в свою очередь, воздействует на эти части и меняет их первоначальные свойства и функции» [Общее языкознание,1972:27].

В нашей работе мы постараемся показать по возможности наиболее полную картину реализации тенденции к экономии на каждом из уровней

языковой системы и в смежных, пограничных областях, в которых изменения, направленные на сокращение высказывания, затрагивают сразу два или более уровня, что вполне закономерно, принимая во внимание отношения компонентности, существующие между единицами разных уровней.

### 1.3. Принципы когнитивно-коммуникативного подхода в процессе лингвистического сохранения

.

В изучении иностранных языков могут применяться различные подходы, лексический, аудитивный, интегрированный, лингвокультуроловедческий, личностно ориентированный, коммуникативный и т.д.

Здесь мы подробнее остановимся на когнитивно-коммуникативном подходе. Можно отметить, что данный подход состоит из двух составляющих частей: когнитивная и коммуникативная. Коммуникативный подход провозглашает коммуникацию как главный ориентир и цель изучения иностранного языка и выделяет четыре ключевых языковых навыка: чтение, аудирование, говорение и письмо.

Изучение когнитивной лингвистики стало активно развиваться в 1970-х годах XX века. Это новое направление в лингвистике и психолингвистике, которое сосредоточено на исследовании человеческого разума и процессов, происходящих внутри него, а также на состояниях разума.

Когнитивная лингвистика исследует, как люди понимают, производят и интерпретируют язык. Она рассматривает язык как отражение когнитивных процессов и структур, которые лежат в основе нашего понимания мира. Когнитивная лингвистика исследует связь между языком, мышлением и когнитивными функциями, такими как восприятие, внимание, память и концептуализация.

Одним из основных принципов когнитивной лингвистики является идея о том, что язык не просто отражает мир, но активно влияет на наше

восприятие и понимание реальности. Когнитивная лингвистика исследует языковые структуры и механизмы, которые позволяют нам организовывать и интерпретировать информацию в нашем разуме.

Согласно когнитивному подходу к исследованию, человек, поскольку является носителем определенных знаний и опыта, играет ведущую роль в формировании языковых значений. Целью же когнитивного подхода обозначается изучение вопросов восприятия, структурирования и хранения знаний.

Результаты исследований в области когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвометодики, проведенные как отечественными, так и зарубежными учеными, предоставляют возможность сформулировать основные положения, на основе которых можно разработать методы коммуникативно-когнитивного обучения коммуникации на иностранном языке.

Первое положение позволяет по-новому посмотреть на вопросы семантической структуры языка. Семантическая организация каждого языка уникальна и не может быть обобщена в универсальные принципы. Она основана на конвенциональной образности и тесно связана с структурами знания, которые отражаются в конкретном языке.

Каждый язык имеет свои собственные специфические способы выражения значений и связей между ними. Например, существуют языки, в которых временные отношения выражаются с помощью глагольных окончаний, а другие языки используют отдельные слова или фразы. Эти различия отражают разные семантические структуры и способы организации значения в каждом языке.

Понимание семантической структуры языка требует учета контекста, культурных особенностей и социального контекста, которые влияют на интерпретацию значений. Таким образом, семантическая структура языка представляет собой сложное взаимодействие между языковыми конвенциями, структурами знания и контекстуальными факторами.

Изучение и анализ семантической структуры каждого языка позволяет лучше понять его особенности и специфику, а также расширить наши знания о разнообразии языковых систем. Это помогает нам лучше адаптироваться к различным языковым и культурным контекстам и обеспечивает более глубокое понимание языкового разнообразия в мире.

Второй пункт касается грамматики и лексики. Лексика и грамматика являются ключевыми компонентами языка и служат хранилищами конвенциональной образности. Они отличаются от языка к языку и специфицируют значения в каждом конкретном языке.

Лексика включает в себя словарный запас языка, то есть набор слов и выражений, которые используются для выражения значений. Каждый язык имеет свой собственный словарный запас, который отражает специфические аспекты культуры, окружающей этот язык, и специфические концептуальные категории, важные для носителей языка.

Грамматика определяет правила и структуры, по которым организуется язык. Она определяет, как слова могут быть комбинированы и каким образом строятся предложения. Каждый язык имеет свои грамматические особенности, такие как порядок слов, грамматические категории, способы образования слов и другие структурные элементы. Эти особенности отражают специфическую семантическую структуру и способы выражения мысли в каждом отдельном языке.

Различия в грамматическом "поведении" языковых единиц в процессе их функционирования в речевой деятельности действительно коррелируют с различиями в их значениях. Это означает, что любые трансформации, которые происходят в рамках когнитивной грамматики, могут привести к разным семантическим или прагматическим последствиям.

Грамматические структуры и правила влияют на способ, которым мы выражаем и интерпретируем значения в языке. Например, различия в порядке слов могут изменить акцент или эмфазу в предложении и тем самым изменить его семантику. Также, грамматические категории и

морфологические формы могут указывать на разные аспекты значения, такие как время, лицо, число и т.д.

Когнитивная грамматика исследует, как грамматические структуры отражают когнитивные процессы и понимание мира. Она рассматривает грамматику как средство организации и интерпретации информации в нашем разуме. Изменения в грамматике могут привести к изменению способа, которым мы концептуализируем и выражаем значения.

Таким образом, различия в грамматическом "поведении" языковых единиц имеют прямую связь с различиями в их значениях, и любые изменения в когнитивной грамматике могут привести к разным семантическим или прагматическим последствиям. Это подчеркивает важность изучения и понимания взаимосвязи между грамматикой, значением и когнитивными процессами в рамках языка.

Когнитивная лингвистика так же изучает вопросы восприятия и анализа информации. Анализ языковой информации, поступающей к человеку во время коммуникации осуществляется как во время восприятия и понимания, так и во время порождения речи. Это процесс, который происходит параллельно и взаимосвязан с обоими этапами коммуникации.

Во время восприятия и понимания речи, человек анализирует поступающую языковую информацию, чтобы распознать звуки, слова и фразы, а также их синтаксическую и семантическую структуру. Этот анализ включает в себя распознавание фонем, выделение слов, определение их грамматических форм и синтаксических связей, а также интерпретацию значения и интенции высказывания. В процессе понимания речи мы активно используем наши знания о языке, контексте и культурных особенностях, чтобы сделать соответствующие выводы и понять смысл сообщения.

Во время порождения речи, человек анализирует свои мысли и намерения, чтобы выбрать и организовать языковые единицы, которые наилучшим образом передадут его сообщение. Этот анализ включает в себя выбор лексических единиц, грамматических форм, синтаксической

структуры и других языковых ресурсов, чтобы создать связное и понятное высказывание. Мы также учитываем контекст и аудиторию, чтобы адаптировать наше высказывание к конкретной коммуникативной ситуации.

Методическая система коммуникативно-когнитивного обучения иностранных студентов иноязычной речевой деятельности может включать этапы, направленные на "подключение" обучающихся к иной языковой картине мира. Эти этапы помогают студентам развить лингвокогнитивные навыки и перейти на уровень владения иностранным языком, где они способны мыслить и выражать себя на этом языке.

Вот несколько возможных этапов, которые могут быть включены в методическую систему:

1. Изучение культурных и социокультурных аспектов: Студенты знакомятся с культурой и обычаями страны, где используется целевой иностранный язык. Это помогает им понять связь между языком и культурой, а также развить культурную компетенцию, необходимую для успешной коммуникации.

2. Развитие метакогнитивных навыков: Студенты учатся осознавать и контролировать свои когнитивные процессы при изучении и использовании иностранного языка. Это включает развитие навыков мониторинга, планирования и оценки своей речевой деятельности.

3. Активное использование языка в различных коммуникативных ситуациях: Студенты учатся применять свои языковые навыки в реальных коммуникативных ситуациях, таких как диалоги, ролевые игры, дебаты и т.д. Это помогает им преодолеть языковой барьер и стать более уверенными в использовании языка.

4. Развитие критического мышления и аналитических навыков: Студенты учатся анализировать и оценивать информацию на иностранном языке, развивая свою способность критически мыслить и выражать свои мысли на языке.

5. Использование разнообразных источников и материалов: Студенты работают с различными текстами, аудио- и видеоматериалами, чтобы расширить свой словарный запас, понимание грамматических структур и развить навыки аудирования и чтения.

6. Интеграция языкового и когнитивного обучения: Методическая система объединяет языковое и когнитивное обучение, помогая студентам развивать языковые навыки и одновременно расширять свои когнитивные способности, такие как аналитическое мышление, креативность и проблемное решение.

Важно отметить, что конкретные этапы и подходы могут различаться в зависимости от методики и целей обучения, а также от уровня студентов.

Преимущества коммуникативно-когнитивного обучения включают:

1. Анализ языковых закономерностей: Коммуникативно-когнитивное обучение сосредоточено на анализе того, как языковые единицы, такие как грамматические формы, структуры и синтаксические конструкции, используются в речи. Это помогает студентам понять не только правила языковой системы, но и то, как эти правила применяются в реальной коммуникации.

2. Овладение языком и культурой: Коммуникативно-когнитивное обучение предполагает, что освоение иностранного языка включает не только усвоение знаний о языковой системе, но и овладение средствами иноязычной социокультурной коммуникации. Это позволяет студентам не только говорить на иностранном языке, но и понимать и адаптироваться к культурным особенностям и нюансам, связанным с его использованием.

3. Расширение сферы использования языка: Коммуникативно-когнитивное обучение не ограничивается повседневным опытом и рамками использования языка. Оно включает теоретическое освоение языка, выявление правил соответствия выражений, категоризацию речевых актов и намерений, лежащих в их основе. Это позволяет студентам использовать язык более гибко и эффективно в различных коммуникативных ситуациях.

4. Развитие критического мышления: Коммуникативно-когнитивное обучение способствует развитию критического мышления студентов. Анализ языковых закономерностей и средств коммуникации требует аналитических навыков и способствует развитию способности критически мыслить и оценивать информацию на иностранном языке.

5. Интеграция теории и практики: Коммуникативно-когнитивное обучение объединяет теоретическое усвоение языка с его практическим применением. Студенты не только изучают языковые правила и концепты, но и активно применяют их в реальных коммуникативных ситуациях. Это помогает им развить навыки коммуникации и уверенность в использовании языка.

В целом, коммуникативно-когнитивное обучение является эффективным подходом, который позволяет студентам развить не только языковые навыки, но и критическое мышление, культурную компетенцию и способность эффективно коммуницировать на иностранном языке.

С учетом перечисленных выше положений и критериев, включение коммуникативно-когнитивного подхода в обучение студентов способствует выявлению наиболее общих и существенных особенностей их сознания, внутриязыковых отношений и коммуникативно-когнитивной природы языка. Это позволяет студентам осознавать и учитывать не только структурно-системные аспекты изучаемых языковых явлений, но и их коммуникативно-когнитивную значимость. Это имеет решающее значение для эффективного формирования и развития профессионально-коммуникативной компетенции студентов.

Уникальность коммуникативно-когнитивного подхода заключается в том, что он объединяет языковое и когнитивное измерения обучения, позволяя студентам не только усваивать языковые структуры, но и развивать свои когнитивные способности, такие как аналитическое мышление, критическое мышление и способность к эффективной коммуникации. Коммуникативно-когнитивное обучение также акцентирует внимание на

социокультурных аспектах языка, что помогает студентам лучше понять и адаптироваться к коммуникационным нормам и культурным особенностям общения на иностранном языке.

Таким образом, коммуникативно-когнитивное обучение предоставляет студентам возможность развить глубокое понимание языка, его коммуникативной природы и связанных с ним когнитивных процессов. Это способствует эффективному формированию и развитию их профессионально-коммуникативной компетенции, что является важным преимуществом этого подхода.

Исследование показало, что категория экономии носит биосоциальный деятельностный характер, так как она манифестируется в деятельности человека, в том числе коммуникативной. Согласно такому подходу, источник экономии находится в речемыслительной деятельности коммуникантов. В работе особо подчеркивается, что при анализе экономии не следует ограничиваться сопоставлением количественных характеристик языковых единиц, поскольку природу экономии можно понять лишь спроецировав мыслительные процессы и когнитивные модели памяти человека на коммуницируемые структуры.

В работе выделяются следующие области действия экономии, устанавливаемые в плане взаимодействия мышления и языка: номинативная деятельность, полисемия, потеря внутренней формы слов, заимствования, типизация словообразовательных и синтаксических моделей. Всё это позволяет облекать мысль человека в удобную для формулирования, хранения и передачи форму - естественный язык. Линейная природа языка, в свою очередь, определила пути реализации универсального закона экономии времени в коммуникации - экономию материальных языковых средств, заключающуюся в свертывании сообщения без нарушения адекватного понимания и без потери информации реципиентом. Эти средства и способы, ускоряющие и облегчающие коммуникацию, определяются в работе как явления компрессии.

Те или иные приемы экономии языковых средств в речевом общении со временем приобретают регулярный характер и становятся инвентарными единицами системы языка. Таким образом, проявляющаяся в речевой деятельности экономия оставляет следы своего действия в снятом виде в форме вторичных компрессированных языковых элементов, механизмы образования которых были проанализированы в работе.

1. Большинство ученых признают наличие в языке действия принципа лингвистической экономии, но некоторые и отрицают его. Однако оценка фактов его реализации неоднозначна. Мы придерживаемся того мнения, что лингвистическую экономию следует, несомненно, рассматривать как движущий фактор развития языка, как это делали А.М. Пешковский, А. Мартине, Б.А. Серебренников.

2. В лингвистической литературе нет исследования, где вопрос экономии рассматривался бы в цельной системе, и где давалось бы поуровневое описание фактов реализации принципа экономии. Встречаются пока лишь отдельные работы, посвященные описанию частных случаев экономного использования речевых средств, таких как эллипсис, аббревиация, прономинализация, субституция, и т. д.

3. Принцип экономии в языке и речи носит универсальный характер, что обусловлено его проникновением во все уровни языковой системы. Причиной тому является иерархическое распределение ярусов системы языка: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического, а также текста как единицы наивысшего уровня.

4. Другой стороной универсальности лингвистической экономии является то, что она действует во всех языках, так как, исходя из представленной выше концепции Б.А. Серебренникова, биологические характеристики практически идентичны у всех рас и народов.

4. Источником тенденции к экономии выступает сам человеческий организм, который стремится избежать чрезмерной затраты физиологических усилий, всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти,

осуществление некоторых функций головного мозга, связанные с производством и восприятием речи.

5. Мы считаем, что речевая деятельность бывает неосознанной только на самых ранних этапах развития речевосприятия и речепроизводства ребенка. Однако по мере его взросления речевая деятельность приобретает все более и более сознательный характер. Следовательно, и экономия начинает становиться более осознанной. Человек постепенно начинает давать себе отчет в том, что и как он говорит, насколько форма передаваемой информации соответствует ее содержанию и насколько успешно эта информация достигает ее получателя. Успешное овладение языком является ничем иным, как экономным использованием его ресурсов, намеренным применением необходимых, но не более того, языковых единиц в соответствии с каждой конкретной ситуацией и с учетом специфики получателя передаваемой информации.

6. Простота и краткость суть не одно и тоже, и они не всегда сопровождают друг друга. Но они должны сочетаться друг с другом в нашем стремлении к достижению точности, которая, помимо уже указанных двух факторов, должна включать в себя адекватность, своевременность, отсутствие лишнего и наличие необходимого. В этом смысле экономия и точность являются синонимами. Достижение точности выступает в качестве никогда непрекращающегося процесса, который влечет за собой все более и более глубокое совершенствование всех видов деятельности человека, в том числе, естественно, и речевой. В ходе этого процесса происходит осознание избыточности определенных элементов и последующее избавление от них. Следует отметить, что, скорее всего, мы не в состоянии полностью преодолеть избыточность и достичь, так сказать, абсолютной точности. Тем не менее, наши действия всегда должны носить осмысленный характер и согласовываться с желанием обретения этой самой абсолютной точности.

7. Необходимо видеть проявление экономии не только там, где язык «сокращается», но и там, где он «расширяется». Общее понятие экономии в

применении к языку следует понимать как синтез проявлений экономии во всех его сферах, как результат всестороннего учета «сокращений» и «расширений» в отдельных частях системы языка. Вывод об экономии как принципе развития и функционирования языка основывается на фактах ее проявления во всех сферах его системы.

# ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ НА ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

## 2.1. Реализация лингвистической экономии на английском языке

В настоящее время актуальным представляется эффективное, четкое и лаконичное общение при коммуникативном взаимодействии друг с другом. Лингвистически это объясняется использованием лексических и синтаксических процессов экономии. В данной статье будут рассмотрены определенные языковые явления, которые позволяют сообщить многое с небольшим звуковым (или письменным) речевым производством и, следовательно, за короткое время, то есть явления или специальные средства, которые обеспечивают и способствуют реализации принципа языковой экономии. Термин «языковая экономия» впервые появился в работе французского лингвиста Андре Мартине «Économie des changements phonétiques» (Экономика фонетических изменений), который с годами стал более точным и довольно часто заменялся учеными терминами «инерция» или «меньшее усилие». Ссылаясь на закон наименьшего усилия Джорджа Кингсли-Ципфа, А. Мартине утверждает, что экономия является реальностью, которую мы постоянно наблюдаем в действии в языковых системах: «Лингвистическую эволюцию в целом можно представить как управляемую постоянной антиномией коммуникативных и экспрессивных потребностей и её склонность сводить свою умственную и физическую активность к минимуму» [13]. Таким образом, лингвистическое поведение регулируется тем, что Дж. Ципф называл «принципом наименьшего усилия» – выражение, которое также можно заменить простым словом «экономия» [5, с. 25]. А. Мартине считает, что экономия языка представляет собой «причину

лингвистических изменений в самой системе, то есть внутреннюю тенденцию языка как человеческой деятельности выбирать и внедрять формы и структуры, которые утверждают минимальное энергопотребление со стороны говорящего» [14, с. 201].

Ученый считает, что принцип лингвистической экономии, или же закон наименьшего усилия, играет существенную роль в эволюции языка, учитывая тот факт, что в каждый момент создается баланс между необходимостью навязывания новых элементов и необходимостью использования существующих. Этот факт побудил А. Мартине продемонстрировать существование двух типов экономии в языке: синтагматической экономии и парадигматической экономии [13, с. 229].

Синтагматическая экономия в лингвистике относится к использованию языковых элементов или конструкций таким образом, чтобы достичь максимальной информативности при минимальном объеме выражения. Она связана с выбором слов или выражений в контексте, чтобы передать смысл с наименьшим числом используемых элементов, поддерживая тем самым эффективное и лаконичное коммуникативное воздействие [7, с. 286]. Таким образом, имея возможность выбора между двумя терминами, обозначающими одну и ту же реальность – копировальный аппарат или ксерокс – говорящий предпочтет более короткое слово, образованное преобразованием имени собственного в нарицательное имя, вместо того чтобы использовать длинное словосочетание «копировальный аппарат». Парадигматическая экономика состоит из сохранения одного и того же числа единиц языковой системы и их соединения или сочетания для обозначения новых аспектов действительности. В строго лингвистическом контексте французский лингвист Жан Дюбуа и другие утверждают, что «принцип языковой экономии основан на синтезе противоречивых сил (потребности в общении и инерции), которые постоянно вступают в конфликт в жизни языков» [9, с. 63].

А. Мартине, безусловно, черпал вдохновение из работ Дж. Ципфа, поскольку есть свидетельства того, что полная формулировка термина «экономия» появляется в трудах ученого только после 1949 г.: он говорит о тенденции к экономии как о композиции двух противоположных сил – ограничения усилий, с одной стороны, и потребности в удовлетворении, с

другой, тогда как в своих предыдущих работах А. Мартине говорил только о тенденции к экономии средств или хорошей экономии системы.

Дэвид Кристал считает, что экономия – это «критерий в лингвистике, который требует, среди прочего, чтобы анализ был кратким и использовалось как можно меньше терминов» [6, с. 155]. Авторы «Лингвистического словаря» (под редакцией Ж. Мунена) утверждают, что «экономность языка есть результат применения к функции общения принципа наименьшего усилия. Таким образом, существование во всех известных языках двух уровней артикуляции является результатом применения этого принципа к неограниченным потребностям общения» [15, с. 119]. Авторы, в частности, добавляют к своему определению, что «это понятие экономии, таким образом, предполагает существование динамики языка, т.е. в структуре, положения баланса, всегда подвергающегося сомнению между присутствующими силами, между тенденцией к инерции, которая приводит человека к ограничению стоимости своих коммуникаций, и к необходимости обеспечить взаимопонимание» [15]. И именно в контексте этой динамики языка мы стремимся изучать различные «экономические» средства языка, доступные современному человеку – всегда спешащему – для более быстрого общения, при постоянном стремлении к повышению эффективности любого действия. Тенденция к сокращению имеет несколько причин. Прежде всего, в английском языке наблюдается тенденция к краткости из-за сильного тонального акцента, который простирается дальше, чем в других европейских языках [15, с. 201]. Предположительно, основной причиной использования лексических сокращений в современных научных терминах является лаконичность и ясность: ученые, используя классический словесный материал, стараются передать в своих неологизмах как можно больше информации. Причин может быть множество, таких как функциональные, аффективные и психологические, когда мы рассматриваем эволюцию английского языка: лаконичность, ясность и необходимость адаптировать язык к ритму современной жизни, т.е. необходимость предоставить

информацию в максимально сжатом виде, для избежания лишней избыточности, когда несколько терминов упоминаются снова и снова и когда названия организаций слишком длинные, чтобы их можно было удобно вписать в тексты документов или же в коммерческие или рекламные материалы. Рост частоты встречаемости аббревиатур не только в конкретных сферах общения – явление, замеченное лингвистами довольно давно. Чешский лингвист Джозеф Грбачек еще в 1979 г. констатировал, что частота встречаемости аббревиатур растет, причем не только в конкретной научной или административной среде, но и в обычном повседневном общении, что поднимает вопрос ясности выражения [17, с. 82] Давно заученные слова вызвали некий дискомфорт у учёных и не только тем, что технические термины превращаются в своего рода скороговорки. Другой причиной использования лексических сокращений в английском языке является лень [5], однако эту тенденцию можно распространить на все языки, на которых говорят в настоящее время. Отчасти это та же лингвистическая лень, которая проявляется в неоконченных предложениях и словосочетаниях. Многие изучающие английский как второй язык быстро понимают, что носители языка часто произносят язык не так, как он написан. Часто возникают подобные вопросы: почему носители языка не говорят *«going to» или «want to» более четко. Что именно означает слово «gonna» или «wanna»? Это не просто «going to», ведь часто можно услышать «gonna see you later», но никогда – «I'm gonna cinema».* Это можно объяснить редукцией и элиминацией фонологии. С одной стороны, говорящие, которые не пропускают и не сокращают речь, могут звучать слишком официально и в какой-то степени неестественно, поскольку они не используют ритмические модели и интонацию, которые являются показателем беглости речи. С другой стороны, многие носители языка утверждают, что они не сокращают слова, потому что это признак «ленивого» и плохого английского. Но даже на самых формальных уровнях английского языка его носители часто прибегают к данному методу не только фонологически, но и графически. Не

последним по значимости является влияние Интернета на рост частоты встречаемости как аббревиатур, так и иных видов сокращений. Как отмечает лингвист Н. А. Ахренова: «Наиболее характерные особенности языка Интернета исследователи выделяют как раз на базе исконных сетевых жанров. Именно в них наиболее полно реализуются языковые новации. На базе их изучения проще выявляются возможные направления воздействия языка Интернета на общелитературный язык» [1, с. 120]. Действительно, типичные особенности языка Интернета часто проявляются через сетевые жанры (порожденные самим использованием языка в сети), что стимулирует лингвистические новации. Изучение этих жанров позволяет лучше понять, как язык Интернета влияет на общий литературный язык и определяет возможные направления этого воздействия. Интернет создает своеобразное языковое пространство, где люди активно взаимодействуют и творчески экспериментируют с языком. Это способствует появлению новых слов, фраз и грамматических конструкций, которые со временем могут перейти в общий обиходный язык. Таким образом, воздействие Интернета на язык расширяет границы языковых изменений и культурных трансформаций, внося новые элементы и контексты в языковую практику.

Британский лингвист Павол Кветко характеризует процессы сокращения как тенденцию современного английского языка к односложности, и, таким образом, это процесс, в котором отнимается часть исходного слова. Объединяют эти процессы «различные сочетания нарушений основных свойств морфологической грамматики» [11, с. 3]. Рассмотрим некоторые частные способы языковой экономии в английском языке. Усечение основы (отсечение). Термин «отсечение» относится к процессу, при котором после его применения к многосложному слову в вновь созданном лексическом элементе сохраняется только часть основы. Процесс отсечения не влияет на значение и принадлежность лексического элемента к классу слов; обе эти характеристики остаются неизменными в новой укороченной версии. Н. В. Плетнева утверждает, что сокращение имеет определенные преимущества

перед другими способами, так как с его помощью образуются новые корневые слова, способные к дальнейшему словообразованию [2, с. 70].

Различение видов сокращений – графических и лексических, стандартно в лингвистике. Эти категории делятся на несколько типов. Усечение, особенно важное для анализа в современном английском языке, представляет собой один из наиболее интересных типов сокращений. Этот процесс связан с усечением слова до его более короткой формы, часто путем удаления одной или нескольких звуковых частей или слогов, сохраняя при этом основной смысл. Усечение часто используется в повседневном общении, в текстах Интернета и в средствах коммуникации, что делает его значимым явлением для изучения эволюции и динамики языка. Данный прием имеет тенденцию быть непредсказуемым с точки зрения того, как укорачиваются основы, что отражается главным образом в том, что трудно предсказать окончательное количество слогов, сохранившихся в обрезанной форме, или будет ли сохранен слог, несущий ударение в сокращенном эквиваленте. Испанский лингвист Паола Лопес-Руа [12, с. 676] также утверждает, что могут быть фонологические модификации с точки зрения измененных или дополнительных гласных, или согласных, так что получается «другая графическая версия с редкими корректировками написания» (например, sax вместо saxophone, bike вместо bicycle, demo вместо demonstration и т.д.). Обратное словообразование. Согласно лексическому справочнику Ж. Ж. Варбота и А. Ф. Журавлёва, обратное словообразование – это возникновение слова путём интерпретации слова как производного и разбиение его на морфемы в связи с переосмыслением и семантическим сближением с другими словами, к примеру, приводящее к отделению из него ложного аффикса [3].

Обратные словообразования сильно различаются по своим целям и уровням принятия. Некоторые имеют в основном комический эффект, например, buttle (от butler). Другие служат реальным потребностям, например, abscess (от abscessed). Некоторые борются за всеобщее признание,

например, liaise (от liaison). Другие твердо укрепились в повседневной речи, например, diagnose (от diagnosis). Безусловно, большинство обратных образований происходит в результате усечения суффиксов. Ниже представлены некоторые знакомые слова в категории -ar, -er, -or:

- burgle < burglar;
- escalate < escalator (товарный знак Escalator, как и Pampers является примером имени собственного, ставшего нарицательным);
- kidnap < kidnapper;
- loaf < loafer;
- ghostwrite < ghostwriter;
- shoplift < shoplifter.

Эллиптические конструкции. Согласно Н. Е. Иваниловой, появление необходимости в эллипсисе возникает из-за экономии языковых средств, которая является одним из законов развития языка, обусловленным стремлением человека к совершенствованию языковых форм при минимальной затрате умственной и физической энергии на коммуникацию [4]. В контексте современных средств коммуникации, таких как мессенджеры или социальные медиа, где в приоритете короткие и быстрые сообщения, эллипсис играет важную роль, позволяя выразить смысл более эффективным способом. Для более узкого определения эллипсиса будут заимствованы определения и классификации американского лингвиста Майкла Маккарти и австралийского лингвиста Майкла Холлидея. М. Маккарти утверждает, что многоточие возникает, когда мы опускаем элементы, которые мы обычно ожидали бы использовать в предложении, если бы следовали грамматическим правилам. Это определение, безусловно, дает очень общее представление о том, что такое эллипсы. С другой стороны, эти случаи еще глубже характеризуются в определении многоточия М. Холлидея, для которого многоточие есть замена нулем. «Ноль относится к случаям, которые получатель, естественно, не посчитал бы неполными, поскольку они могут

быть достаточно заполнены предыдущим или последующим контекстом» [18, с. 144].

*Например: A: Have you spoken to Jake? B: (I have) not yet (spoken to Jake).*

Это эллиптическая конструкция, которая, хотя и не произнесена, прекрасно извлекается из окружающего контекста. В этом отношении стоит упомянуть разграничение эллиптических конструкций и вырезок. По мнению Ч. Крейдлера [10, с. 962], вырезки, полученные из сложных слов или фраз, таких, например, как pub, являются расширением процесса многоточия, посредством которого конструкция «модификатор + заголовок» сводится к модификатору, удаляющему заголовок (capital – capital city). С одной стороны, вырезки представляют собой морфологические явления, в которых пропущенные части не всегда однозначно определяются посредством сотекстовой информации. С другой стороны, многоточие – это, по сути, текстовый феномен, и пропущенный материал обычно можно определить, обратившись к контексту. Анализ приведенных выше способов языковой экономии раскрывает многогранность стратегий, используемых языком для достижения максимальной информативности при минимальном использовании языковых ресурсов. Эти способы отражают его эффективность в способности передавать информацию, а также стремление к экономии усилий со стороны говорящего и воспринимающего. В заключении следует подчеркнуть, что изучение экономии языковых средств не только расширяет наши знания о структуре и функциональности языка, но и имеет практическое значение для областей, где важна ясность и эффективность коммуникации. Понимание механизмов языковой экономии может быть полезным в образовании, переводе, риторике и других сферах, где ключевыми являются навыки точного и лаконичного выражения мыслей.

### 2.2. Реализация лингвистической экономии в узбекском языке

Принцип экономии, свойственный устной и письменной речи, именуемый в лингвистике такими терминами, как “сознательная экономия”,

“языковая экономия”, “фактор языковой экономии”, “принцип экономии”, является одной из важнейших и актуальных научных проблем, которая давно стала предметом внимания. Его сущность заключается в беззнаковом приходе языковой единицы, экономии энергии человека на основе фонетической, морфологической, лексической редукции в мышлении. Как отметила Р.Юсубова, проводившая исследование на материале современного узбекского языка, “Принцип экономии, занимая важное место в языковом развитии, обусловлен требованием стремления к оптимальности в языке. Стремление к компактности, удобству приводит к сохранению языковых единиц, что в свою очередь приводит к сохранению фонационной энергии, облегчению движения органов речи”. До этого А.Мартине также утверждал, что в основе потребности в языковой экономии лежат “потребности человека в общении и его стремление тратить наименьшее количество собственной умственной и физической энергии”. Языковая строгость, с одной стороны, связана с законом "экономии сил", "языковой ленью", с другой стороны, с резким ускорением темпа жизни. Именно это противоречие ведет к эволюции языка. Эти противоречия будут устранены в результате применения принципа экономии. Отсюда следует, что принцип экономии-один из особых, частных законов языкового развития. Поэтому одним из основных процессов языкового развития является принцип экономии языковых ресурсов. Эта тенденция носит общечеловеческий, универсальный характер и затрагивает все уровни языковой системы, поэтому с определенной точки зрения принцип языковой экономии можно рассматривать как одну из причин языковых изменений.

Языковая экономия как специфическая языковая закономерность носит универсальный характер, так как присуща всем языкам мира. Большинство изменений, происходящих в каждом языке, можно объяснить, связав их с применением именно этого принципа. Принцип языковой экономии лежит в основе многих изменений в языке. Следуя ему, раскрывается красочность и привлекательность языка. Языковая экономия - одна из главных движущих

сил языковой эволюции. На протяжении всей эволюции языка всегда была заметна роль принципа экономии. Следовательно, поскольку развитие языковой структуры происходит от коммуникативных потребностей, были предприняты попытки выбрать удобные единицы, которые использовались бы из-за этой коммуникативной потребности. Это привело к случаям, связанным с внесением определенных структурных изменений в структуру языка. Наряду с этим практиковалось сокращение языковых единиц. Как сказал Г.П,Мельников: "Язык - это органическая система, то есть это своего рода адаптивная система, структура которой формируется в процессе взаимодействия структурных потребностей и предметных возможностей, которые возникают без сознательного вмешательства человека, в то время как структурные потребности возникают как реакция на постоянный, стигматизированный отбор наиболее благоприятно сочетающий структуру и вещества". По наблюдениям Ж.Эльтазарова, именно по этой причине в лингвистической литературе уже давно высказываются различные мнения о принципе экономии и его роли в эволюции языка, который сочетает в себе явления, связанные с сокращением языковых единиц и созданием благоприятных условий для общения.

Обоснованность принципа экономии в узбекском языкознании на фонетическом, морфологическом (аффиксальном), лексико-семантическом, синтаксическом, стилистическом уровнях изучается в лингвистическом, лингвопоэтическом аспекте, в соответствии с правилами сравнительного языкознания, его значение в речи становится ярче. Фонетическая экономия условно наблюдается при недостаточном или пониженном использовании звука. Особое внимание при этом часто привлекает наблюдение экономичности в фонетической вариативности местоимений, некоторых самостоятельных или вспомогательных слов: Местоимения: қайси / қай, нима / не ( который,кой,чё). Союзные слова: билан / била / ила, учун / чун, лекин / лек, агар / гар, токи / то (с,для,но,если). Лексическая экономия применяется в следующих проявлениях:

Первый заключается в перефразировании синонимических отношений, выражении словосочетаний или фразеологических сочетаний лексемой (словом). Например: *Перефразы типа дала маликаси – маккажўхори, қора олтин – нефть (королева полей – кукуруза, черное золото- нефть) и т.д.; Такие названия,как эчкининг боласи – улоқ, отнинг боласи (детёныш козы – козлёнок, детёныш лошади – жеребенок) и т. д.; Такие выражения, как кўнглига қил сиғмайди – хафа, оғзи қулоғида – хурсанд (с тяжелым сердцем– с обидой (грустью), рот до ушей – радостно и т.д). взаимозаменяемы (может применяться как синоним друг другу, т. е. заменяя предложение, состав которого состоит из нескольких слов, одним словом).*

Только при этом учитывается объем их общего смыслового содержания. Данное обстоятельство преследует цель недопущения дублирования, его предотвращения. Следующий пример является примером указания словосочетания на английском языке со словом:

*“A person who sells things to customers – shop assistant” / “Мижозларга нарса сотувчи инсон – сотувчи. (Человек, который продает что-то покупателям - продавец.)* Следовательно, словосочетание возникает из сочетания двух или более слов в порядке согласования, адаптации, контроля, затем при использовании одного слова в качестве синонима возникает экономия речи.

Во-вторых, поскольку перефраза, словосочетание или фразеологические сочетания в синонимическом отношении выражаются чередованием с лексемой (словом), нельзя отрицать, что при этом происходит переход от художественного образа к простому образу, переход от коннотативности к денотативности. Как говорят исследователи, семантическая экономия не может быть выражена формой, поскольку возникновение экономии связано с сокращением, опусканием форм. Семантическая экономия возникает при плеонастическом применении семы, когда сема формируют содержательное поле на основе одной архисемы реализуют частные семы архисемы, в то время как в поэтическом тексте выделенные семы в предикативном,

атрибутивном, релятивистском, координативном отношении предполагают усиление эмоциональновыразительности путем выделения, преувеличения мысли.

Подводя итог, можно сказать, что иногда опускание звуков, слов, отдельных частей в слове приводит к изменению лексико-семантического структурного состава языке, явление, которое с давних времен является одним из вопросов, привлекающих внимание ученых. Экономия часто наблюдается в диалогической речи персонажей художественных произведений. Из этого становится ясно, что принцип строгой экономии встречается в разговорной речи все большего количества людей в общественной жизни. Поэтому в процессе функционирования живого языка иногда опускается звук или слог, а иногда слово или предложение. Это сигнализирует о том, что язык меняется и развивается. Исходя из этого, принцип экономии в языке и феномен сокращения предстают как одно из важных явлений, которое ярко проявляется в языковой практике. Оно привлекает особое внимание тем фактом, что поднялась до уровня специфической закономерности.

## 2.3. Сходства и различия в реализации лингвистической экономии в английском и узбекском языках

В определениях, данных значению в современных научных парадигмах, мы можем наблюдать признание языка как когнитивной структуры, отражающей знания и опыт, которые занимают в нем определенное место и тесно связаны с человеческой деятельностью. Значение включает в себя комплекс знаний об определяемом, включая потенциальные и ассоциативные свойства. В когнитивной лингвистике подчеркивается, что невозможно строго провести различие между лингвистической и энциклопедической информацией, что лингвистическое знание не имеет возможности автономии, что оно является неотъемлемой единицей знаний о вселенной8 . Значение языковой единицы (лексемы) становится понятным только в контексте

других когнитивных структур или блоков знаний, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание. Это изменение в задаче позволяет нам рассматривать лексическую единицу как единицу на фоне структуры некоторых базовых знаний9 . Лексико-семантическая экономия выражается в следующих формах: а) от сохранения лексемы в субстантивации к генерированию четкого содержания в лаконичном выражении посредством краткого, лаконичного выражения мысли в тексте, в некоторых местах для реализации коннотативного, эмоционального значения; б) образная лаконичность в метафоре, метонимии и "плотное" расположение мысли в синекдохе происходят за счет высадки конкретного члена, создавая основу для формирования нового лексического значения, применяемого благодаря обладанию возможностями обобщения, тотальности, образности, выделения. Стилистическая экономия. Примером этого является экономия, связанная с некоторыми местоимениями и вспомогательными словами из узбекского языка. В частности, то, что наблюдается как одно из проявлений лексической экономии, может свидетельствовать о нашем мнении, что вопросительное местоимение нима(что) используется в его архаичной форме не (чё,шо), местоимение қайси(какое) используется в форме қай,қаю(кой). При этом в вопросительных местоимениях часто наблюдается стремление сохранить формообразующую сторону основы.

Например: *Не(нимани) топдингиз?(Шо(что) ты нашел?) (Т.Малик) Местоимение Не (Чё)* в контексте выражает семантику вопросительных местоимений как, *сколько (қандай, қанча).* Например, если форма *чё(не) приходит вместо местоимения сколько(қанча)* то два слога выражаются одним слогом, что приводит к экономии одного слога. В результате произношение становится более компактным, дополнительная окраска, выдержка наблюдается при прослушивании от повторения одной и той же формы: *Не-не ўлкаларнинг не даҳолари (А.Мухтор)* В материальном выражении вспомогательных слов подразумевается достижение компактности, удобства, равенства слогов в поэзии с точки зрения экономии

звука, в нашем языке в форме вспомогательного словоа билан (вместе) - "била","ла" ,также сокращается слово учун(для)- чун. Союзное слово лекин (но) используется как сокращение лек, агар,гар,токи,то. Экономия слов бывает двух видов: а) сокращение самого слова (полное исключение из контекста); б)сокращенное выражение (например, местоимение қайси (который, какой) выражается в форме қай(кой)также представляющее местоимение қаер (где) или қандай (как));

Лексическая экономия более ярко проявляется в субстантивации. При этом лексема сохраняется, что приводит к краткому и лаконичному выражению. Когда прилагательные выражают оценочное отношение и служат для оценки характера человека, за ними следуют слова одам,киши(человек), сокращенные методом метонимии. *Например: пословица“Яхшидан от қолади, ёмондан дод”(От хорошего останется славное имя, от плохого стон и жалоба) фактически означает “Яхши (одам)дан от қолади, ёмон (одам)дан дод (қолади)” (От хорошего человека,останется славное имя, от плохого(человека) (останется)стон и жалоба) в основе которого лежит принцип лексической бережливости с целью предотвращения стилистической странности и ошибок.* В результате произошла миграция значения в качественной семантике, основанная на субстантивации прилагательных.Теперь оно служит для оценки личности и ее характера. В результате денотативное значение прилагательных “хорошее”и “плохое" ослабевает, а коннотативное значение усиливается. Опять же во второй части приведенной выше пословицы, во избежание повторения (тавтологии), опущен глагол "остается", который выступает в функции причастия в соответствии с правилом анафорического многоточия. Тем не менее, присущий ему акцентный смысл остался в силе. Такая ситуация возникает и на примере других видов прилагательных. *Например: “Каттага ҳурматда бўл, кичикка иззатда” / “Катта (ёшдаги киши)га ҳурматда бўл, кичикка (ёшдаги кишига) иззатда (бўл)”(“Сам уважай*

*старшего,пусть уважают младшие" / "Сам уважай старшего (того, кто старше),пусть тебя уважают младшие (те, кто младше).*

В английском языке слова, относящиеся к человеку, часто могут появляться как проявление лексической экономии.Например: Mr, Mrs, Miss, Ms, Sir, Dr, Lady or Lord, Mr President, General, Captain, Father, Doctor or Earl. Такие слова, как Mr, Mrs, Miss, Ms, Ser, Dr, Lady или Lord, которые представляют собой обращение к имени вышеупомянутого человека, а также такие слова, как господин, генерал, капитан,доктор,граф и т. д., обозначающие титул, ранг, должность, относятся к лексическим средствам, обеспечивающим лексическую экономию.

Такие стилистические приемы, как метафора, метонимия и синекдоха, помогают экономно выразить новое значение. Через типы миграции (тропы), такие как метафора (условная миграция, основанная на сходстве), метонимия (условная миграция, основанная на связи), синекдоха (условная миграция, основанная на отношениях целого и части), которые считаются важными для художественного стиля, можно проследить возникновение экономии в лексическом состоянии. Среди них метонимия и синекдоха происходят за счет выпадения фрагмента. Однако в метафоре слово не выпадает.

Метонимию можно рассматривать, с одной стороны, как смещение, основанное на соседстве, а с другой-как средство языкового сжатия, выявляющее способность человека выделять главное из окружающего мира. Это экономический способ выражения человеческих намерений. Метонимия усиливает визуальное четкое выражение явления, не прямо, а косвенно. Например: "The ham sandwich is waiting for his check". / Мужчина, заказавший сэндвич со свининой, ждет чека.

Фонетическая экономия условно наблюдается при недостаточном или пониженном использовании звука. Особое внимание при этом часто привлекает наблюдение экономичности в фонетической вариативности местоимений, некоторых самостоятельных или вспомогательных слов: Местоимения: *қайси / қай, нима / не ( который,кой,чё). Союзные слова: билан*

*/ била / ила, учун / чун, лекин / лек, агар / гар, токи / то (с,для,но,если).* Лексическая экономия применяется в следующих проявлениях: Первый заключается в перефразировании синонимических отношений, выражении словосочетаний или фразеологических сочетаний лексемой (словом). Например: *Перефразы типа дала маликаси – маккажўхори, қора олтин – нефть (королева полей – кукуруза, черное золото- нефть) и т.д.;* Такие названия, как *эчкининг боласи – улоқ, отнинг боласи (детёныш козы – козлёнок, детёныш лошади – жеребенок) и т. д.;*

Такие выражения, как кўнглига қил сиғмайди – хафа, оғзи қулоғида – хурсанд (с тяжелым сердцем– с обидой (грустью), рот до ушей – радостно и т.д). взаимозаменяемы (может применяться как синоним друг другу, т. е. заменяя предложение, состав которого состоит из нескольких слов, одним словом). Только при этом учитывается объем их общего смыслового содержания.

Данное обстоятельство преследует цель недопущения дублирования, его предотвращения. Следующий пример является примером указания словосочетания на английском языке со словом: "*A person who sells things to customers – shop assistant" / "Мижозларга нарса сотувчи инсон – сотувчи. (Человек, который продает что-то покупателям - продавец.)*

Следовательно, словосочетание возникает из сочетания двух или более слов в порядке согласования, адаптации, контроля, затем при использовании одного слова в качестве синонима возникает экономия речи.

Во-вторых, поскольку перефраза, словосочетание или фразеологические сочетания в синонимическом отношении выражаются чередованием с лексемой (словом), нельзя отрицать, что при этом происходит переход от художественного образа к простому образу, переход от коннотативности к денотативности. Как говорят исследователи, семантическая экономия не может быть выражена формой, поскольку возникновение экономии связано с сокращением, опусканием форм.

Семантическая экономия возникает при плеонастическом применении семы, когда сема формируют содержательное поле на основе одной архисемы реализуют частные семы архисемы, в то время как в поэтическом тексте выделенные семы в предикативном, атрибутивном, релятивистском, координативном отношении предполагают усиление эмоциональновыразительности путем выделения, преувеличения мысли. Слово, обозначающее подтверждение “хорошо” в нашем языке, выражено в английском языке аббревиатурой “Ok”, которая появилась в печатных изданиях, то есть “олл коррект”. Это означает “все правильно По словам Аллана Меткалфа, автора книги "ОК: невозможная история величайшего слова Америки", Чарльз Гордон Грин, редактор Boston Morning Post, часто писал и фотографировал шуточные истории. Подводя итог, можно сказать, что иногда опускание звуков, слов, отдельных частей в слове приводит к изменению лексико-семантического структурного состава языке, явление, которое с давних времен является одним из вопросов, привлекающих внимание ученых. Экономия часто наблюдается в диалогической речи персонажей художественных произведений. Из этого становится ясно, что принцип строгой экономии встречается в разговорной речи все большего количества людей в общественной жизни. Поэтому в процессе функционирования живого языка иногда опускается звук или слог, а иногда слово или предложение. Это сигнализирует о том, что язык меняется и развивается. Исходя из этого, принцип экономии в языке и феномен сокращения предстают как одно из важных явлений, которое ярко проявляется в языковой практике. Оно привлекает особое внимание тем фактом, что поднялась до уровня специфической закономерности.

Один из способов экономии - это не заканчивать предложение. И незаконченное предложение дается в текстах с многоточием:*"Тут не о чем думать, – сказал он. – Нужно написать письмо, пусть он наведет порядок в своем доме. Давайте дадим ему немного времени, если даже тогда он ничего не сделает...”. – Э, йўқ, бўлмайди, сэр, – унинг сўзини кесди судья. – Ким*

*лединнг юзига қараб туриб, сасиб кетяпти дейди. – Э, нет, не пойдёт, сэр, - прервал его судья. - Кто смотрит в лицо Леди и говорит, что воняет. (А.Каххор)*

Следовательно, причина, по которой приведенное выше утверждение остается незаконченным, заключается в том, что оно неожиданно "обрывается" слушателем. Еще две экономии можно наблюдать в предложении *“Кто говорит, что воняет, глядя в лицо Леди”,* которое также является продолжением цитируемого предложения. Первый – антропоним (личное имя) сокращается, заменяясь словом “леди”. На самом деле она должна была быть” леди мисс Эмили Грирсон". *Потому что история связана с именем этой дамы. Во-вторых, глагол” вонять “используется в произведении по отношению к”трупу". В конце концов, это слово можно использовать для обозначения мяса, еды, луж и т. д.*

Часто в английских текстах используются слова обращения к мужчинам и женщинам. Например, выше используются такие слова, как “сэр” для мужчин и "леди", "мэм", "мисс", "миссис"для женщин. Например, *“мисс” – поанглийски означает понятие “незамужняя девушка”: “Мисс Лесли уже год отлично справляется со своей задачей". Вместо слов” Мисс “или” леди “в текстах узбекских переводов часто используется слово "госпожа", а для мужского рода – “господин”: “Қария Жек ўрнидан туриб, мени боғламдан ажратди-да, таъзим билан аёлга узатди. – Хоним, – деди актёрлардек, – мана, ифлос купюра. Мен қиморбозман. Бу пул бугун олийҳиммат оиладан чиққан бир ўсмирдан менга ўтди. Уни қандай қўлга киритган, билмайман. Агар бу пулни қабул қилсангиз, у сизники. – Сэр, – деди аёл, – бу пуллар босмадан чиққандаёқ мен уларнинг мингтасини бир даста қилиб санаб тахлаганман”.( "Старый Джек встал, вытащил меня из пачки и с поклоном протянул женщине. – Леди, – сказал он, как актеры, - вот грязная купюра. Я игрок. Эти деньги сегодня перешли ко мне от подростка из благородной семьи. Как он их получил, я не знаю. Если вы принимаете эти деньги, они ваши. ”Сэр, - сказала женщина, - как только эти деньги вышли из печати, я*

*отсчитывала их по тысяче, собирая в пачки".)* Из этого следует, что слова (лексические единицы), опущенные в художественных текстах на основе принципа экономии, присущего лингвистике, не могут быть внезапно восплнены, без знания сюжета произведения. Неполное написание слова также можно считать проявлением лексической экономии. *Например: – Менга заҳар керак, – деди у.*

*– Хўп бўлади, мисс Эмили, лекин қанақасидан бўлсин? Каламушга бўлса керак-да? Мен сизга тавс...( –Мне нужен яд - сказала она. "Хорошо, мисс Эмили, но какой?" Наверно для крыс? Я рекомендую вам...)* Составное слово / тавсия қилмоқ / (рекомендовать) даётся в сокращенной в форме тавс.... Сокращенные слова также считаются проявлением лексической экономии. Выше приведен пример глагола “тавсия қилмоқ” (рекомендовать) причина, по которой он сокращается“тавс...”, заключается в том, что девушка уходит, не слушая говорящего до конца.

В результате возникает причина, по которой в произведении используется такая лексическая аббревиатура. Достижение экономии в результате разделения предложения говорящего-одна из самых распространенных ситуаций. Примером этого также является следующий отрывок из рассказа О Генри “Персики и бобовые”: *“Бундай лавозим учун ёшлик қилмасмикан? – сўради иккинчиси. – Нима учун ёшлик қиларкан? – овозини баландлатди шериги. – Менимча... Тўхтанг, сиз наҳот тушунмадингиз? Ўзингиз ўйлаб кўринг, қайси шериф маҳбусни ўзининг ўнг қўлига кишанлайди?” (“Разве вы не слишком молоды для такой должности? - спросил второй. – Причем тут молодость? - повысил голос напарник. - Я думаю... Стоп, ты не понял? Подумайте сами, какой шериф надевает наручники на правую руку заключенного?”)*

Использование слова "лучшее" в следующем предложении также привело к лексической экономии: *“Менга энг яхшиси керак – нима деб аталиши билан ишим йўқ”.( “Мне нужно лучшее-мне нет дела, как называется".) Фактически, цитируемое утверждение имеет контекст “мне*

*нужно лучшее из (яда) - нет (никакого) дела, что называется (он)", в котором из предыдущего контекста понятно, что слова "яд", "он", " никакого " были опущены.*

Значит, мы можем в конце делать выводи что:

1. Структура языка, динамически активизирующаяся и развивающаяся за счет различных изменений, постоянно меняется и совершенствуется. Однако в его изменении и совершенствовании особое место занимает языковая экономия. На земле нет языка, который можно было бы использовать, если бы он оставался неизменным или не стремился к экономии. Языковая экономия тесно связана с естественным использованием и развитием языка. Феномен бережливости связан с формальной стороной языковой единицы так, что семантическая экономия не может быть выражена в форме.

2. Бурное развитие общества, науки и техники, литературы и искусства, разнообразные социально-политические, культурно-духовные изменения в повседневной жизни носителей языка приводят к появлению выражения различных признаков новых реалий, что проявляется и в языке, и в речи. А чтобы выразить их лаконично, часто стремятся к строгости, краткости, лаконичности. Экономия -опирается на экономные средства выражения мнений и наиболее удобные способы передачи информации.

3. Языковая экономия, являющаяся одним из важнейших и необходимых законов, проявляется в речи в виде сохранения звука, слога, слова, фразы, соединения и предложения. Особого внимания заслуживает лексическая экономия, которая широко распространена. При этом они стремятся к экономии за счет экономии речевых ресурсов, отказа от различных неудобств, связанных с этим, экономии лишних усилий, затрачиваемых за счет физиологических действий, не усложняя работу памяти, стремясь к лаконичности в письме и произношении, противодействуя орфоэпическим и орфографическим сложностям. Из речи исключаются все лишние элементы.

4. Лексическая экономия -один из принципов речевой бережливости, при котором какой-то звук в слове опускается. В нем не соблюдаются правила и нормы литературного произношения, но эти изменения не мешают понимать содержание речи. А иногда слово или фраза в предложении также опускаются. Это синтаксическая экономия, а не лексическая из-за того, что слово выполняет какую-то синтаксическую (притяжательное, причастие, определительное, дополнение) функцию в предложении.

5. На английском и узбекском языках экономия является одним из основных и наиболее распространенных процессов. При этом языковая экономия приводит к сохранению речи. У нее есть свои критерии. Принцип речевой экономии характерен как для устной, так и для письменной речи, наблюдается более яркое отражение в письменной литературной речи. Но по отношению к нему в разговорной речи принцип языковой экономии является наиболее распространенной и наиболее часто применяемой сферой. Она является основной сферой реализации языковой экономии.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национально-культурологические особенности речевой экономии играют важную роль в формировании лингвистической картины мира, поскольку они тесно связаны с представлениями о мире, социальными нормами, культурными традициями и коммуникационными практиками, характерными для разных этносов. В данном исследовании были рассмотрены особенности речевой экономии на материале английского и узбекского языков, что позволило выявить значительные различия и общие черты в языковом воплощении экономии речи в этих двух языках.

1. Речевая экономия как результат культурных и социальных норм. В обеих культурах экономия речи зависит от социальных ролей, контекстуальных факторов и культурных ожиданий. В английском языке акцент сделан на ясности и прямолинейности, что выражается в предпочтении кратких и однозначных высказываний. В то же время в узбекском языке более выражена тенденция к использованию эвфемизмов, косвенных выражений и уважительных форм, что связано с культурной ценностью косвенности и уважения в общении. Эти различия требуют от переводчиков и носителей языка внимательного подхода к выбору лексических и грамматических средств для адекватной передачи речевой экономии.

2. Языковые стратегии и средства реализации экономии. В английском языке речевая экономия реализуется через сокращения, использование аббревиатур, многозначных слов и предложений с минимальными элементами. Например, употребление фраз “I’ll get back to you” или “Let’s catch up later” позволяет выразить сложные идеи лаконично. В узбекском языке, напротив, часто используется форма обращения или добавление вежливых элементов, что снижает степень прямолинейности и делает коммуникацию более многослойной. Такие особенности в языке обусловлены более строгими социальными и культурными нормами, которые ценят детали, уважение и осторожность в речи.

3. Контекстуальные различия и их влияние на выбор экономных форм. В англоязычных странах часто используется экономия речи в деловой и профессиональной сфере через использование специализированных терминов и сокращений. В узбекском языке экономия речи, наоборот, проявляется в выборе формулировок, которые могут быть восприняты как более уважительные и осторожные. Это показывает, что речевая экономия в узбекской культуре также тесно связана с коммуникативной этикой и восприятием информации, что влияет на выбор формулировок и структур.

4. Перевод и адаптация экстралингвистических принципов. Процесс перевода речевой экономии между английским и узбекским языками требует от переводчика учета не только лексических и грамматических особенностей, но и культурных различий, связанных с восприятием речи. Важно использовать методы компенсации, адаптации и культурной замены для того, чтобы передать точный смысл с учетом различий в экономии речи между культурами. Например, перевод прямолинейных фраз с английского на узбекский язык часто требует добавления уважительных форм или пояснений, что может увеличивать объем высказывания, но сохраняет нужную степень уважения и социального контекста.

В заключение, речевая экономия, будучи важным аспектом лингвистической картины мира, проявляется по-разному в зависимости от культурных, социальных и лексико-семантических особенностей различных языков. В английском языке акцент на прямолинейности и краткости контрастирует с более уважительными и косвенными формами общения в узбекском языке. Эти различия в подходах к экономии речи обусловлены различными культурными установками и социальной значимостью определенных видов речи в каждой из культур, что требует от переводчиков особого внимания к контексту и стратегии перевода при работе с речевой экономией.

## ЛИТЕРАТУРА


1. Abdujabbarova Zamira Rustamovna. Tilshunoslik va Kognitiv Nazariya. Toshkent: TDPU Nashriyoti, 2024.

2.Alimova M.X. Semantik Nazariyalar Tarixi. Toshkent: O‘zbekiston Milliy Universiteti Nashriyoti, 2023.

3.Asqarova, M. (2010). O‘zbek tilida metafora va ramziy ma’no. Toshkent: Fan nashriyoti.

4.Mahmudov, N. (2019). Til va tafakkur uyg‘unligi. Toshkent: O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi.

5.Rasulov Zubaydullo Izamovich. Aristotel va Stoyiklar Falsafasi. Samarqand: Sharq Nashriyoti, 2023.Yo‘ldoshev, B. (2018). O‘zbek tilining kognitiv lingvistikasi asoslari. Toshkent: Sharq nashriyoti.

6. Ахренова Н. А. Лингвистические особенности микроблогов // Альманах современной науки и образования. 2011. №9(52). С. 119–124.

7. Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998.

8. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С.

9. Иванилова Н. Е. Структурно-семантические особенности эллиптических предложений во французском и английском языках: автореф. дис. … канд. филол. н. Ростовский институт иностранных языков. 2008. 156 с.

10. Игнатова И. Б. Обучение грамматическому строю речи иностранных студентов-филологов как основа формирования языковой личности будущего учителя : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. СПб., 1997;

11. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1994. Т. 53, № 2. С. 315.

12. Макарова, Е.Ю. Язык как основа этнической культуры Текст.: автореф. дис. . канд. филос. наук: защищена 28.10.2006 / Е.Ю. Макарова. Волгоград, ВГМУ, 2006.- 24 с.

13. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику Текст. / В.А. Маслова. М.: Флинта: Наука, 2004. - 296 с.

14.Плетнёва Н. В. Усечения в современном английском языке. LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 152 с.

15.Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. М. : Высш. шк., 1989.

16. Crystal D. A Dictionary of Linguistics & Phonetics. 5th ed. London, 2003.

17. Dressler W. Naturalness and morphological change. In: Joseph B. D. and Janda R. D. The Handbook of Historical Linguistics Oxford: Blackwell, 2003. P. 461–471.

18. Kreidler Ch. Creating new words by shortening // Journal of English Linguistics. 1979. No. 13.P. 24–36.

19. Kvetko P. English Lexicology. Edičné stredisko PedF UK, 1994.

20. Wharton, T. Pragmatics and Non-Verbal Communication. Cambridge University Press. -2009.